

ВЛАДИМИР АВДОШИН
ВСЕ И ДЕВОЧКА

Владимир Авдошин

Все и девочка

«Алетейя»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Авдошин В. Д.

Все и девочка / В. Д. Авдошин — «Алетейя», 2023

ISBN 978-5-00165-599-2

В новый сборник прозы Владимира Авдошина вошли продолженная и дополненная автором повесть «Все и девочка» о нескольких поколениях московской семьи (её действие охватывает 50-е – 70-е годы XX века), «Люсины книга», в которой наша современность показана глазами ребенка, и рассказы, представляющие жизненные траектории и судьбы людей постперестроечного времени, самых разных социальных слоев. Внимание и сочувствие так называемому «простому человеку», через которого однако проходит и им делается история, – неизменная доминанта прозы этого автора. А нарисованная им картина жизни «как она есть» – обманчивая иллюзия, её создают точно отобранные детали и многожды, в разные периоды, пережитый и перечувствованный автобиографический материал.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-599-2

© Авдошин В. Д., 2023

© Алетейя, 2023

Содержание

Все и девочка	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	22
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	29
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	36
Глава 15	39
Глава 16	40
Глава 17	42
Часть II	46
Глава 1	46
Глава 2	47
Глава 3	48
Глава 4	50
Глава 5	52
Глава 6	53
Глава 7	55
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владимир Дмитриевич Авдошин

Все и девочка

© В. Д. Авдошин, 2023

© К. Хлебникова ил., оформление 2023

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

Все и девочка

Часть I Детство на Фасадной и Околоточной

Глава I Крым и краснофлотцы

Сколько бы я ни спрашивала маму о ее жизни, втайне подразумевая рассказ о начале моей жизни, она неизменно начинала с одного и того же памятного ей события.

В 1945 году, весной, когда мама была на последнем курсе строительного института, их послали на практику в Крым. Страна, стало быть, довоевывала в Германии, а здесь, в Советском Союзе, лежала вся в руинах. И ждала их, студентов-выпускников, как квалифицированные кадры восстановительных и строительных работ. Насколько я знаю, там, в Крыму действительно самая хорошая практика по фундаментам (сейсмоустойчивость и оползни). И случилось студенткам строительного института между делом пройтись берегом моря по набережной, еще разрушенной. В молодости и под мирным небом, которое только что обрушилось на них, думаю, не менее пленительное, чем всегда это бывает, хорошо пройтись своей студенческой компанией, когда не нужно жаться бедной родственницей в одиночестве, а можно спокойно и широко идти группой. А параллельным курсом шли краснофлотцы. Известно, на корабле они матершинники и хохмачи, а в городе, в увольнительной, – пай-мальчики и даже сентиментальные молодые люди, которые любят сниматься для домашних на фоне моря, красноречиво объясняться в любви проходящим мимо девушкам и делать поделки из подручного материала на долгую память. Тогда это были гильзы от немецких патронов, немецкие пуговицы, иногда немецкие кресты, которых в этих местах страшных боев было множество.

Как уж они там договорились прогуляться – по набережной парами или сходить в кино – я не знаю, но не удивлюсь, если, так сказать, любовь уместилась в одно матросское увольнение на берег. Мама с утра на практических занятиях и освободилась к обеду, а где-то с обеда и до девяти вечера, когда морякам на корабль возвращаться надо было, – любовь. Мама до того была оголоушена Крымом, а он, Крым, известный проказник – кто бы с чем ни приехал, в Крыму всем жизнь кажется шоколадной и по цвету и по вкусу, а тут еще пылкое признание в любви, – так что она даже успела назвать ему свой правильный московский адрес и проводить до КПП. Больше с ней такого никогда не случалось.

Возможно поэтому, начиная рассказ о своей жизни, она приводила в пример этот наивный эпизод свободного изъяснения чувств. Не знаю, его корабль ушел ранее или её поезд поехал в обратную сторону, не дали ему больше увольнительной или их группу вывезли в горы на практические занятия, но более в Крыму они уже не встречались. И продолжение этой истории произошло в Москве, месяца два спустя.

Приехав домой, она, естественно, никому ничего не рассказала. Тогда это было не принято. Не сказала даже тогда, когда пришло письмо, и сестры допытывались у нее, от кого это. Да, я забыла сказать, то есть написать, что пафос его прогулок с нею был: «Ах, вы кончаете в этом году институт? А я в этом году демобилизуюсь. Давайте поженимся?». А мама: «Не знаю, допустим». – «Ой, я вас не тороплю, вы подумайте, ведь еще два месяца!»

И вот письмо с теми же намерениями: «Уважаемая Тамара! Служба моя закончилась, выезжаю, встречайте. Будьте моей женой, как мы с Вами договорились. Я отписывал своим родителям, они дали свое согласие на нашу свадьбу. Передавайте поклон Вашим родителям. С черноморским приветом Николай».

Мама хватать письмо – и поскорее к декану в институт. Декан был пожилым, опытным человеком, битым жизнью. Он умел и за своих постоять, умел и слово молвить. С ним они всю войну прожили и проучились. На первом курсе дал он справку, что мама освобождается от рытья противотанковых рвов, когда чирьи пошли. Тогда их вернули в город. Были разговоры, что война – это недоразумение, что у нас с немцами договор, а не нападение, что война долго не продлится, вот разберутся и война кончится.

А на средних курсах к ней приходила тетка Аня, говоря: «Что ты все корпишь над учебниками? Вот моя Кира кончила курсы машинописи», а мама ей возражала: «Меня старший брат и декан обязывают учиться». Декан говорил: «Хочешь есть – иди в кочегарку, там 400 граммов хлеба дают. Но учись – человеком станешь. Уголек лопатой будешь кидать, а хлеб или сразу съешь, раз такой голод, а хочешь половину на вечер. А вечером на занятия приходи». Мама принуждала себя половину хлеба на вечер оставлять. Декан не будил маму, когда она засыпала на лекциях, понимал, что устает. И все на курсе считали его нареченным отцом по важным вопросам жизни. А такое, как замуж – куда как важно.

– Да ты что?! – громогласно начал декан, – за две недели до защиты диплома уехать? С каким-то в глухомань? Закопать себя в деревне, когда на руках престарелые родители, две младшие сестры? Их тянуть еще и тянуть!

Глава 2

Мама в 1949-м году

Мама приехала из Крыма молодым ответработником, из командировки. Бабушка как всегда на кухне, чистит картошку и бросает её в кастрюльку с кипящей водой.

– Рита всегда прилежно училась, – говорит бабушка, – и подрабатывала на Москвошвее. И теперь хорошо преподает в Физинституте. Это у нее с детства было: все делать ровно и послушно.

Видно было, что бабушка Дуня с удовольствием рассказывает о Рите, своей любимице. Потом она кладет на стол нож, встает, берет кастрюльку и ставит в печь.

– А Валя, – она опять обращается к старшей дочери – не пойму, в кого она такая? То загорелась – в химический техникум хочу, то – нет, не хочу, на курсы английского языка пойду. Но, кажется, и к этому остыла. Каждый день новое, и каждый вечер на улице Горького с подружкой прокладается. Не знаю, что с ней делать. От рук отбилась. Чуть что отец ей скажет или я – у нее тут же ответ готов: «Не суйте меня в свои швеи, сами всю жизнь в швеях были, я такого себе не хочу».

И бабушка начала подкладывать в печь дрова и переставлять горшки, какой готов – пусть упарится, какой не готов – покипеть.

Старшая не спешила с ответом. Еще раз окинула взглядом комнату, более внимательно, чем при входе, чтобы окончательно почувствовать себя дома, потом произнесла:

– Мам, я вот приехала.

– Ну да, ну да, – не оборачиваясь, вторила бабушка, – я знаю, – орудуя с головешками, – и рада тебе...

– Я приехала и отчет сдала, – продолжила старшая.

– Ну да, да, а как же иначе? Ты и всегда так-то... Сначала командировка, потом отчет, я знаю...

– Отчет сдала, и мне деньги заплатили, – вновь деликатно продолжила старшая.

– Ну да, верно, так оно и должно быть. Сначала заработал, потом заплатили, – выуживая особенный чугунок и ставя его на стол, – вот ешь, пока горяченькое, с разварочки-то.

– Спасибо, я сыта. И вот что, – деликатно продолжила старшая, – и вот что я решила. Я тебе их все отдам. Зачем они мне одной? А ты семью тянешь – вот и возьми. Здесь аккурат

восемьсот рублей. Мне самой деньги-то не нужны, я и так обойдусь. А тебе с семьей пригодятся.

– Ну нет, – вдруг оглянувшись на нее и опешив, сказала бабушка. – Это ты, девонька, неверно придумала. Ты взрослая девушка, тебе замуж надо, семью устраивать свою, взрослую. На это самое и деньги даются. И раздаривать их негоже.

– Нет, я так решила, и переиначивать не хочу. Я вот сюда, на комод их положу, под зеркальце, чтобы не упали.

– Да и я-то не хочу. Ищи жениха, пока не поздно, пока возраст не вышел – вот истинный подарок, а не задаривай мать деньгами.

– Ах, мама, ну что вы такое говорите? Где ж его, на улице, что ли искать? На улице они не валяются, это я точно знаю.

– Знаю, что не валяются. А ты поищи, поищи получше-то, может и сыщется. Себе бы в радость, да и сестрам пример показательный, как дальше-то жить. Нешто всё в работе, как у тебя, или одно гулянье на уме, как у Вали, – это дело?

– Ах, оставьте, мама, я правда не знаю, где их берут.

– А я и тем более. Ранее-то свахи были. Меня, например, с Иван Николаичем сваха сватала. И такая опытная попалась – чудо! Я тебе, говорит, по твоему характеру найду, не сумлевайся. Ты девочка тихая, скромная, вежливая, характер у тебя душевный. Тебе ответственного и домовитого нужно. Он сразу в тебя влюбится.

И точно, как пришел на смотрины – сразу взял своей обходительностью. Я к нему расположилась всем сердцем.

– Вы, говорит, Авдотья Егоровна, не сумлевайтесь. Если что там про меж нас не выйдет, я неволить вас не стану, уйду в свое Рождествено, как и полагается демобилизованному служащему. Хотя, должен вам признаться, вы сразу меня очаровали своим кротким взглядом и своими румяными щечками. Мне будет жаль ходить теперь на работы и не видеть вас, – вот как в 1915-м году-то делалось! Но ведь если люди живут дальше, хотя и в других условиях, значит, это как-то и теперь делается, раз молодые-то женятся? А я видела – женятся!

– Ах, мама, оставьте, а то я расплачусь. Нельзя же каждый мой приезд об одном и том же.

– Ну, хорошо, хорошо, не буду, – собирая посуду, – и не поела ничего. А деньги-то заберите! Слышишь? Да не забудь поговорить с Валею, чтобы она так легкомысленно себя не вела! Может она тебя, как старшую-то и послушается? – запихивая обратно горшки в печку. – «Пусть теплое стоит. Сейчас Рита с работы придет, покормлю теплым. «Расплачусь!» – нельзя так опрометчиво вести себя ответработнику! На тебе пятьдесят человек, а может быть и сто! Не выйди ты на работу – что будет?

Я вас спрашиваю. А то и будет, что разбредутся, как овцы по лугу, и никакой работы без ответработника не будет!».

Выехав в город, Тома идет на свое любимое место около строительного института, в телефонную будку. Хоть она и сказала матери, что не знает, как это теперь делается, но наработки, еще институтские, у неё были.

– Н. можно?

– Будет попозже, – и повесили трубку.

Это был первый, почти обычный телефонный разговор по приезде её в Москву. Как оказалось, и последний. Если совсем честно, в нем не было концовки. Там не спросили – «А кто спрашивает?» И она не ответила – «Однокурсница». Там не спросили – «Может быть, что-то передать?» И она не ответила – «Нет, нет, спасибо, ничего, я еще раз позвоню». И не услышала – «Не волнуйтесь, всё-всё передам и всё скажу».

Она списала это на погрешность. А второй телефонный разговор прозвучал уже как пощечина:

– Т. можно?

– Кого? – осторожно переспросил голос. – Минуточку. И после некоторой паузы, другим тоном: «Вы знаете, а его, оказывается, нет дома».

Ну ладно, подумала она, бывает. Хотя и тут концовка говорила о другом, что не его нет дома, а с ней не желают разговаривать. Она не верила своим ушам. Дальше – хуже:

– М. можно?

– Кого-кого, простите? Такой здесь не живет.

– А вы не знаете, выехал, что ли?

– Простите, даже не знаю.

И, наконец, последний разговор, который всё поставил на свои места.

– Д. можно?

– А вы кто ему? – нахраписто, вопросом на вопрос.

– Однокурсница, – опешив от такого нахальства, сказала она.

– А зачем звоните?

– У нас после окончания института уговор есть созваниваться.

Так вот что, любезная однокурсница, не знаю, как вас по батюшке, ну да это и не важно сейчас. Я – его законная супруга, и более сюда не звоните, понятно?

Теперь ей уже нельзя было звонить дальше, не осмысляя, что происходит, а то наткнешься в разговоре на такое: «А чтоб тебя! Мало того, что он такой— сякой-мерзавец домой пьяный приходит, у него, оказывается, еще и левые бабы есть? Ну, я ему покажу! Он у меня узнает еще, где раки зимуют! А ты, с..., чтоб больше не смела сюда тренькать! А то ноги из задницы выдерну!»

Ответработник, если он действительно ответработник, не может допустить, чтобы психологическая ситуация вышла из-под его контроля. Он должен осмыслить симптомы новой ситуации ранее, чем она взорвется, и перевести ее в приемлемое русло.

Вместо того, чтобы набрать еще один номер, или два, или пять, как обычный человек, чтобы получить оплеуху, она выбросила все институтские адреса, всю телефонную мелочь из кармана, и пошла Москвой, без разбора, далеко-далеко, обдумать свое положение, уяснить себе, что произошло.

Как хорошо мы на выпускном пришли на Красную площадь! Возбужденные сдачей экзамена и бессонной ночью, радостно, всем коллективом однокурсников, в едином порыве хотели что-то необыкновенное сделать друг для друга, и дали обет не терять друг друга из виду, ходить сообща в кино, интересоваться жизнью друг друга, не пропадать, один словом. И так было все семь лет. Она приезжала, звонила, ходила в кино, обсуждала свою жизнь и жизнь однокурсников. И как следствие – вот оно – в этих встречах и разговорах радостно чувствовала себя всё еще студенткой, хотя жизнь уже властно показала ей, что со студенчеством покончено. Теперь нет студентки на работе, а есть молодой начинающий ответработник. Она вынуждена была согласиться с этим на работе, а вот, оказывается, на отдыхе всё еще чувствовала себя студенткой. И жизнь до некоторой степени разрешала ей такую двусторонность. А теперь отказала. Что с этим делать?

Хмурый мужчина на постаменте думал свою глубокую невеселую думу, опустив голову. Она даже нарочно подошла и прочитала надпись, так её это поразило. Надо же! Оказалось, Пушкин.

А по школьному курсу вроде бы веселым был, стихи такие простые, ясные писал: «Вот моя деревня, вот мой дом родной... Вот качусь я в санках по горе крутой».

Ну ладно, пусть думает. Она пошла далее с сознанием, что теперь делать молодому ответработнику.

Она шла через всю Москву, не замечая ни домов, ни людей. Теперь она ответработник на работе и ответработник на досуге. Есть у тебя семья или ее нету – ты должна вести себя, как положено. Чтоб все в ажуре. Не обинуясь ни к кому из прежних своих знакомств. Отрезать это все и выбросить, потому что ответработник не может быть уязвим, не может зависеть от каких-то телефонных звонков, от каких-то женитьб и замужеств однокурсников. Ответработник должен отвечать должествованием своему начальнику. Преданность, уважение, симпатия – начальнику.

Уяснив это, она пошла брать билет в обратную сторону, в Крым. Не пропадать же времени, которое она собиралась посвятить однокурсникам. Успела еще заскочить домой и поговорить с обеими сестрами. Со средней, Ритой, как и всегда, разногласий не было. К старшей благоволил отец. Среднюю любила мать. Старшая брала жизнь разумом, а средняя сердцем, и они очень хорошо понимали друг друга. Сестра рассказала про олимпиаду в Чехословакии, куда они со сборной ездили на соревнования и геройствовали в матерчатых тапочках и шароварах на смех всей тамошней публике, тогда как у Чехословацких товарищей и спортивная обувь, и даже тренировочные были. Но честь Родины есть честь Родины, и ее нужно было защищать. И они геройствовали, переступая через себя и через «не могу», чтобы советские – обязательно! – были на первом месте. Такую тренер дал им установку перед соревнованием.

А Тома рассказала, как сложно с пленными немцами работать и одной за всё отвечать. И за них, и за строительство.

Тут-то и пришла младшая, Валя. С поднятым носиком, в воинственном, все отрицающем возрасте. Ей неважно было, что. Главное – отрицать. В этом она пока находила свою сущность.

– Подумаешь – невидаль! Пленные немцы! – с порога резанула она. – Вон их полна Москва! Высотки строят! В забор всё видно, какие они. Хошь хлеба кусок брось, хошь обручай. Они всё понимают. Только твердят «О, майн Гот!» и проходят дальше. Часовые при них не разрешают им ни взять брошенное, ни ответить.

Когда Тамара и Валя остались вдвоем (тактичная Рита вышла якобы на колонку за водой), Тамара сказала:

– Ты чего родителям-то грубишь?

– А чего они всё указывают? – ещё выше подняв носик, отвечала Валя.

– Кто это они? Это ж твои родители! – пыталась усовестить старшая.

– А чего они? – не вняв поправки старшей, начала младшая. – Да и все вообще? Стань тем-то, иди туда-то! Никто не спросит – а ты-то кто есть? И еще: ходишь в старом да драном, перелицованном тысячу раз. Никто из них не подойдет и не скажет: «На тебе, одень такое, чтоб когда ты это оденешь – все ахнули».

Старшая поняла, что урезонить сестру с ходу, одной беседой не удастся. Она решила улестить ее, чтоб не испортить отношения. Купила ей чулочки, которых та так домогалась, и уехала. Поняла, что идти на поводу у такого возраста нельзя, и повторять родительские уговоры бесполезно. Этот возраст нужно просто пережить.

«А что же себе? – раздумалась она, лежа на полке под стук колес. – Совсем ничего – так не бывает. Только воспоминания о краснофлотце? Как легко он ей достался. Но учеба и новый, давно алкаемый статус интеллигентной женщины, отдули его молодыми ветрами. Но вспомнить было приятно, для себя лично, чтоб не заплакать».

Когда Тома приступила к своим обязанностям, её подопечные обрадовались. И Климт, и Руминиги, и Ламме, и Подольский, и все, все, все. Языка они не знали, кроме минимума команд, которые им вколотили часовые, она их языка тоже не учила, но душевное общение через глаза, улыбку и тон голоса было обязательно. Часовому – что? Смену отстоял японским бонзой с невозмутимым лицом, побегов и инцидентов нет – смену сдал. А что немцы выдают и как они выдают – всё только от неё, ответработника, зависит. И туда, где здоровенные мужики отказывались, ее временно запихнули бригадировать над ними. Потом немцы письмо к

командованию писали: «Если возможно, верните нам эту молодую фрау, мы обязуемся сто пять процентов выработки давать, если она вернется». – «Да она практикантка», – отвечали им через переводчика. – «А это ничего, мы опытные военные строители, мы ей подскажем, если у нее знаний не хватит, только верните нам ее».

Чеснок они просили с рынка.

– Ну, как я, беззубый, – показывал Руминиги, – когда нас амнистируют, перед своей фрау покажусь, фройлен Тома? Ну нет, правда, как?»

Очень любили показывать ей свои личные фотки.

– Это моя Фрау. Это мой Зон. Это мои Тохтер.

– Ну, все, обед окончен, за работу, товарищи пленные.

– О майн Гот, о майн Гот, в мои лета! О майн Фатер и майне Муттер, – страдальчески говорил пожилой Лемке.

– Пошли, ты что, не знаешь, что за саботаж принудработ – расстрел? – тянул его тоже пожилой Мюллер.

– Знаю, знаю, о мать божья, пославшая нам этого ангела в простом русском платье, я бы всё это не вынес, не видя ее.

А русские говорили:

– Ты наша Лариса Рейснер, так пленных обратять, чтоб они работали, как передовики производства.

– Кто-кто?

– Ну героиня, из «Оптимистической трагедии». На театре смотрела?

– Нет.

– Только кожаной куртки тебе не хватает.

– А зачем, в Крыму и так тепло.

– Ну, ответработнику положена кожаная куртка. И маузер для официальности.

– Боже упаси! – был ответ – И так справляемся.

Письмо из дома, примерно через месяц, напомнило, как она уезжала. Пришла мама и очень торжественно (у мамы всегда вместо торжественности трогательность получается) сказала:

– Вот тебе часы купила на деньги, которые ты оставила. Не след ответработнику бегать и спрашивать прохожих, сколько времени, пора или не пора начинать или заканчивать его подчиненным работу. А мы уж тут сами вместе с отцом и дочерьми справимся. Тогда она молча взяла часы. А теперь прослезилась.

Глава 3

Командировка в Новосибирск

– Тамара Ивановна, проходите, садитесь, извините, здравствуйте! Дайте мне вашу руку и подойдите к окну. Впрочем, нет, садитесь! Мне нужен ваш совет, – неожиданно сбивчиво сказал начальник и сел сам. – Видите ли, пришла директива за номером 241, в которой предлагается нам, как головному отделению, проревизовать Новосибирское отделение нашего института в кратчайшие сроки. Обычно этим занимался Кондратюк, вы это знаете, но он запил. Еще мы подключали Маланину к таким делам, но она больна. Знающих много, а надежных, кроме Кондратюка, никого. А дело срочное, не терпящее отлагательств. Я хотел у вас спросить, как вы думаете надлежит поступить нашему отделу?

– Ну, я не знаю, – начала она, – может быть, вам из другого отдела соответствующего работника попросить взаимнообразно?

Он встал и подошел к окну.

– Нет, вы не понимаете сути. Я вас спрашиваю, что мне делать. Дайте вашу руку. И подойдите к окну. И совершенно другим тоном, таинственно:

– Директива пришла... из самых высоких инстанций, из самой приемной Маленкова... А это может означать только или реорганизацию в недалеком будущем всего института. Или... второе... – он помолчал, потом потыкал пальцем как бы в стену, хотел что-то сказать ей, но не решился, – вы меня понимаете?

Она шесть лет проучилась в строительном институте и понимала городской интеллигентный сленг, хотела бы сама на нем разговаривать и жить среди городских интеллектуальных людей, но владела им еще недостаточно, чтобы с лёгкостью понять, что имеется в виду. Ситуация обязывала сказать «да». И она кивнула утвердительно, не понимая. И вдруг через какое-то время в ее мозгу как молоточком простучало: «Репрессии, вот он чего боится. Репрессии. Но это же нелепость. Ведь за репрессии у нас отвечает министерство Берии, насколько я знаю, а если бумага пришла из приемной Маленкова, который у нас по хозяйству, то волноваться совершенно нечего». Ей тут же захотелось возразить ему, ободрить этого милого пожилого человека, который так по-отечески ласково принял ее совсем-совсем еще недавно в свой отдел, но она заставила себя не нарушать первый закон ответработника в разговоре с вышестоящим начальством: не бери равноправного тона с начальством, ничего не предполагай, молча жди решений.

Вы сами видите, – отпустив ее руку и как бы обреченно сказал он, – я не могу послать случайного человека в нынешних обстоятельствах. Но лишь такого, кто мне лично предан. Вы понимаете?

Она опять ничего не понимала. Куда он ведет? Что это за личная преданность? И стояла нерешительно, молчала. Пусть сам скажет, что ему нужно.

– Да, мне некого послать, кроме вас. Что вы об этом думаете? – произнес он уже более убежденно, будто утверждая свое решение этим высказыванием. Будто видя её, он окончательно и решил.

– Меня? Но я человек неопытный и неискушенный в таких делах. Я всего пять лет в отделе. Я могу только цифры, а этого для ревизии недостаточно. Нужно знать суть такого действия. А это может только профессионал.

– Нет, вы не понимаете, – сказал он, инстинктивно теребя руки, – мне не нужен профессионал, у меня их много. Мне нужен лично мне преданный человек, который почувствовал бы, что там происходит? Порядок и чистоплотность или разгильдяйство и ней дай Бог крамола... Мне нужно, чтобы простой, добросердечный и чистый душой человек вошел туда и, извините, нюхом почувствовал, что там и как? Понятно? А чтоб вас с цифрами там не надули, я дам вам профессионала, не беспокойтесь. Да, еще вот что, – когда она, уже развернувшись, собиралась уходить, – в отделе никому ни слова. Вы меня понимаете? Что это за ревизия, о которой все знают загодя. Ни куда, ни с кем, ни на какое время. Официально вы едете в командировку.

– Хорошо, – сказала она, сраженная ответственностью в свои 28 лет инспектировать сибирский отдел, который в три раза больше, чем само Мингео, – я согласна, если вы так решили, – полагая, что разговор окончен. Но она опять ошиблась.

– Дайте мне вашу руку, – сказал он, даже как бы возбужденный. – Послушайте, деточка моя, меня внимательно и постарайтесь понять, что я сейчас вам скажу. Я старый и больной человек. Я надоел своими болячками жене. Мне нечем, кроме вас да работы, жить на этом свете. Это только в юности нам нравятся роковые женщины, нравится пикироваться с ними, кто – кого. «Кармен», опера – слышали? Ну, вот. А на старости лет нам нравится Джульетта в исполнении Улановой. Как это у нее? «Утро Джульетты»: она занимается своими простыми будничными делами так, будто ничего на свете, кроме этого, не происходит. И этого достаточно, чтоб, видя это, пожилому мужчине без цели и без здоровья жить дальше. А вы в отделе – точь-в-точь как Уланова на сцене.

Хотя чуть раньше ее просили понять, ей опять стало непонятно, потому что это напоминало объяснение в любви. И она только стыдливо и деликатно улыбалась.

– Кроме Улановой и Джульетты еще Гете в своем «Фаусте» это хорошо показал. Но не в опере Гуно, там много мужских самоосознаний, мужских заморочек, а в самом тексте, где Маргарита, Гретхен – простая и бесхитростная, но целомудренная городская девушка. Что может быть выше, чище и притягательнее? И я мог жить с такой же рядом, видеть ее каждый день в отделе, знать, что вы рядом и этим жить. И вот теперь я сам, добровольно, должен от этого отказаться. Нет, я этого не могу, я этого не переживу.

– Я вас не понимаю, – сколь ни крепилась молчать, все-таки произнесла она.

– Я сейчас объясню. Я собственными руками посылаю вас к этому жуиру и бабнику Рукову. Уж он не преминет воспользоваться моей бедственной ситуацией и употребит ее в свою пользу. Он отберет вас у меня.

– Аркадий Ефимович, да что вы такое говорите? Как я могу? Такое даже слышать невозможно!

– Да, отберет. Он обаяет вас как мужчина, и вы забудете меня. Да-да, забудете! Больного старика! И я останусь до конца дней своих одинок и безрадостен. И почему я не здоров, как этот ловелас Руков, по-сибирски? И не на восемь лет моложе и не свободен, как он?

– Но если дело только в этом... – решила, наконец, она произнести свое девичье мнение, – я могу дать вам слово, обет, что никому не буду симпатизировать в командировке. И влюбляться в ловеласа Рукова не буду. А буду заниматься только непосредственной своей работой, ревизией его деятельности.

– Слово? Что слово... – произнес он тихо и безнадежно. И вдруг яростно:

– Да! Слово! Дайте мне его, дайте! Обет и слово, что вы не влюбитесь в этого противного ловеласа Рукова. Я готов на колени перед вами встать. Дайте слово во имя наших отношений...

Она стояла, как вкопанная.

– Хорошо, я верю вам. Идите!

«Какие Руковы! Я предана всем сердцем вам и только вам. Предана вам и никому более», – молили её глаза.

– Нет, – резко отвел он свой взгляд, – вы его не знаете, как не знаете и своего молодого сердца. Он опытный сердцеед, он всё равно уведет вас у меня. Вы поддадитесь ему. Я этого не переживу. Я не смогу без вас работать, я этого не переживу.

«Зачем он так думает? Я всегда буду верна ему. Я всегда его любила как руководителя, как отца, как своего старшего мужчину по жизни, платонически, но не признавалась себе в этом». Но сейчас он это обозначил, и это разволновало её. Она была заведена им, человеком пожилым, карьерным, статусным, женатым, в какие-то немисливо высокие и никуда не ведущие отношения. В сердцах она спустилась в отдел, для которого это был секрет Полишинеля. Отдел не только догадывался об отношении Аркадия Ефимовича к молодой особе, но и благословенно пользовался этим, тихонько подпихивая её сдавать месячные отчеты. И легче стали проходить отчеты, легче. То ор да грай, а теперь тишь да благодать да задушевные разговоры. Как ваша мама? А сестры? Хорошо? А... ну-ну...

Глава 4

Невозможный Руков

Добиралась Тома в Новосибирск поездом, а это пять-шесть суток. Тогда гражданской авиации, ТУ-104, ещё и в помине не было. Смотрела на непривычные изменения ландшафта за окном. Она ведь по своей симферопольской ветке сутки с половиной ехала, а на ней сначала Харьков, потом удар теплого климата и зелень за окном особая, курортная. А тут всё едешь да едешь, никакого Харькова, никакого курортного удара.

– Не мне вам говорить, Тамара Ивановна, – выходя из-за стола, с подчеркнутой любезностью обратился к ней начальник планового отдела Леонид Николаевич Руков, – что в геологию идут закаленные романтики. Это вы знаете не хуже меня. И им ничего не стоит объясниться в симпатии к молодой и хорошенькой женщине на языке собственной профессии: ваши глаза – как бирюза (хм, даже в рифму получилось), ваши волосы, как халцедон, а руки – белее мрамора. А что вы улыбаетесь, Тамара Ивановна? У среднеазиатских народов это и до сих пор в ходу, когда они стихи пишут любимым женщинам. А вот попробуйте на языке планового отдела сказать комплимент женщине! А что? У семерки воротничок, как у дореволюционной курсистки, а шестерки имеют уморительный хобот. Как вы считаете?

Был он в кители геолога, который тогда почти равнялся военному. Моложавый, представительный.

Знаменитый румянец незамужнего ответработника Тома залил ей всю щеку.

– Не знаю, я не очень в математике сильна, мне папа помогал все старшие классы и весь институт, – смущаясь, сказала она, как бы не умея войти в такой полетный разговор, но и не желая обидеть собеседника.

– Прекрасно, прекрасно, – легко подхватил он реплику собеседницы и включил в разговор собственного руслу, – значит, мы обязаны нашей встречей вашему папе. Это же прекрасно! Знаете что? Я тут два билета в оперу приготовил. Пойдемте? В знак окончания нашей с вами общей работы. Опера Даргомыжского «Русалка».

Глава 5 **Встреча с сестрой**

В Москву провожала Леонида Николаевича Рукова только мойра Сибирского отделения Мингео – она же уборщица и сторожил этого здания, еще в двадцатые годы девушкой из тайги пришла.

Сестра Вера в Москве встретила его критически:

– Приехал, да? Работать?

– И жениться тоже!

– А я думала, это твои цензурные хитрости работу женитьбой в письмах называть, чтоб не сглазили, – пробурчала сестра.

– Ты, кажется, недовольна, что я приехал? – спросил Леонид Николаевич.

– Я недовольна, что ты женишься. В твоём возрасте нужно спокойно сожительствовать. Иногда, может быть, не совсем легально, на первых порах, – нравоучительно сказала старшая сестра.

– Какой это такой мой возраст? – не согласился он. – Пятьдесят два еще не возраст. По сибирским нормам я еще юноша.

– Ну, хорошо, оставим это. И кто же она?

– Девушка из пригорода.

– Это ужасно, я так и думала, это дама с камелиями, да? Именно этого я и боялась.

– Да помилуй, отчего же? Тихая, улыбчивая, серьезная.

– А от того же. Девушки еще не знают себя и жизни. Они сразу потребуют любви, потребуют от тебя соответствовать статусу жениха, то есть выполнять всю мужскую программу при них, как то: дерзать, штурмовать, овладевать, приносить, обустривать. А еще и любить. Впрочем, это я уже говорила. А еще иметь и воспитывать детей. На всё это у тебя просто не хватит сил. Да и поздно в твоём возрасте. На этом надорваться можно.

– Но я люблю ее.

– Ты рассуждаешь, как вихрастый мальчишка. Скажи, я могу лопатой у себя на даче наткнуться на золотиносную жилу?

– Зачем ты спрашиваешь? Ты же знаешь, что нет.

– Спрашиваю потому, что свою геологию, значит, ты считаешь наукой, то есть ответственной за какие-то закономерности в природе, а вот медицине прямо сейчас, этими словами, в этом отказываешь? А ведь перед тобой неплохой терапевт, которого назначили еще и завполикликой. Это дает дополнительную информацию к профессии. Вот в 1945 году правительство на основании массовых писем обиженных жен приняло закон об ужесточении бракоразводных процессов с мужьями высшего комсостава. На войну-то все лейтенантами побежали да быстренько-быстренько сделали там головокружительную карьеру вплоть до генеральских погон. Привыкли к своему положению, а вернувшись с войны, увидели своих жен постаревшими и несоответствующими тому положению, в котором они теперь находились. Ведь у многих на войне были личные медсестрички. Словом, многие решили побросать своих прежних жен.

– Ну и что? Я связи с собой не обнаруживаю. Ты же знаешь, жена моя была гулящей, и я, как честный человек, жил с ней восемнадцать лет, чтобы вырастить дочь, не травмировать её. Ты же знаешь, как мне было больно, зачем ты снова про это? Я хотел приехать тебя навестить и поделиться радостью, хотел широко и привольно расставить руки на твоём старомосковском диване, со слониками по бокам на полочках. Посидеть, как в Волге искупаться, потому что мама наша давно умерла и у меня нет никого ближе тебя, сестра.

– А затем, что там, где юриспруденция ставит точку – я имею в виду постановление против расторжения браков – медицина только начинается. Кто-то всё-таки, преодолев все препоны, развелся, нашел молодую да влюбил в себя... Словом, велась закрытая статистика, хотя вначале никто ее вести не собирался. Просто как эти генералы-то посыпались – кто с инфарктом, кто с инсультом по госпиталям – вот эта статистика и обнаружилась. Я бы тоже не знала, не будь я завполикликой при военном ведомстве.

– Ну, хорошо, – сложив наконец руки и как бы обняв ими свое тело, – не надо преамбул, скажи суть. Что ты хотела всем этим мне сказать?

– В твоём возрасте ...

– Ну, опять за свое!

– Ну, хорошо, скажу протокольно: после пятидесяти брак по любви, впрочем, как и по расчету, противопоказан – говорит эта самая статистика, потому что ввергает практически уже пожилого мужчину в молодежную авантюру. Вот ты сидишь себе, как жених. Брит, подстрижен, благоухаешь «Шипром», с белым платочком в кармашке. Это сегодня. А завтра – больничная койка. Проверено. Мины есть, как говорят саперы.

– Так скажи, что делать, что ж ты молчишь?

– Я тебе сразу это говорила, как ты вошел. Только брак по соглашению. Это обычно не новое, сегодняшнее знакомство, а очень давняя старая симпатия. Она только высвечивается с другой стороны. Это связь, как правило, с человеком твоего возраста, потому что ценности жизни – это только принято считать, что они ищутся по книгам да векам, – на самом деле вырабатываются опытом своего поколения. И с другим поколением не сочетаются. Пожилые мужья умирают не только от физического переутомления, но и от духовного вакуума: у молодой жены другие ценности. Серьезно ты это обнаружишь очень скоро. К великому своему сожалению. Да поздно будет. А у сверстников – кто-то сделал карьеру, но потерял в семье, как, например, ты. А кто-то прошел всю семью, но не сделал карьеры. Оба в пожилом возрасте согласны объединить свои наработки. Супружеская жизнь их состоит из использования наработок другого, а вовсе не как с молодой: всё начинай сначала и под её дудку. Согласительная жена знает, что пятьдесят два года – это зона риска, знает, что можно, а что нельзя, в том числе и насчет любовных ласк. В определенном смысле согласительная жена больше нянька, чем любовница.

– К тебе лучше не приходите – какая ты колючая! И зарекался-то не приходите, а зашел – жалею! Я всё равно женюсь. Решил жениться – и женюсь!

– Тебя не переделать. Тебя, спешащего к ней в надежде встряхнуться, омолодиться, прожить свою юность заново, как Фауст, – не переделать. Ну, всего тебе хорошего, брат мой младший. Я рада, что вижу в твоём лице черты матери и отца, черты детства своего. Прощай, но знай: инфаркт и инсульт, как Сцилла и Харибда, пребудут с тобой рядом, если ты настаиваешь на своём браке с молодой. А я умываю руки.

Глава 6

Предложение в 1953 году

В Москву из своего Томска-Новосибирска папа приехал переводом. Без объявления. Папа (тогда еще просто Леонид Николаевич) прямо с вокзала по почтовому адресу поехал на квартиру к маме, тогда еще просто Тамаре Ивановне. Устроил переполох в семье своим приездом. Пока входил, переговорил с мамой. Потом в большой комнате официально – мама на это время как бы ушла в комнату дяденьки Васи – сделал предложение бабушке, то есть попросил руки мамы. Потом была вызвана обратно мама, но как бы в первый раз, для сообщения предложения. И он уже во второй раз, но обращаясь уже к маме и ко всей семье, сказал свое предложение еще раз. По-юношески, на подъеме:

– Тамара Ивановна, выходите за меня замуж. Я приехал в Москву переводом. Мне дали комнату в Министерском доме, я купил машину для передвижения и оформляю заявку на гараж.

Она молчала.

Ее начали подталкивать с обеих сторон сестры, нервничая за нее, мол, ну, что ты?

Как только вошел чужой человек и загрохотал разговор, кошка разволновалась, не смеют ли главную кошку дома – бабушку Дуню, со своего поста? Но когда разговор перешел в тихое русло, она перестала интересоваться и пошла в Валину комнату, где сейчас жила её хозяйка Валя, младшая дочь Дуни, легла на коврик у её кровати, свернувшись калачиком, и стала ждать хозяйку и её, хозяйки всегда страстных ласк.

Тамара молчала. Тогда бабушка Дуня всплеснула руками:

– Да что ж это! Ей предложение делают, а она молчит.

И как-то вдруг увидела видением или почувствовала, что это может быть единственный шанс ей быть бабушкой, а роду выжить.

– Нет уж, вы ее берите, берите, – взяла Тому за руки и тихонечко втолкнула в его руки, – и низкий вам поклон. Берите в жены, и низкий вам поклон, – повторила, – не обижайте ее и внучка ждем незамедлительно.

Что ж, она – ответработник. Уважала и обожала только своего начальника. Платонически любила его, слушалась и не могла ослушаться и в этот раз. «Выходите за этого невозможного Рукова!» Что за непоследовательность такая? То перед командировкой говорил, что боится, что Руков оболстит её, то теперь – «выходите за него замуж!» Была б моя воля – не вышла бы замуж никогда, а беззаветно любила бы вас, Аркадий Ефимович, всю оставшуюся жизнь вашу. Без всякой надежды на взаимность. У вас семья, а семью разбивать нельзя, я это понимаю.

Аркадий Ефимович восхищал ее всем: и тем, что, будучи сугубо техническим человеком, знал всего «Евгения Онегина» наизусть. Но в последнем разговоре он сказал:

– Тамара Ивановна, вы сядьте и не обижайтесь. Что я вам скажу – это сугубо конфиденциально, между нами. Нельзя женщине одной! Место женщины – в сильном материнстве.

Она кивнула.

– Значит, карьера и материнство смогут разойтись более или менее миролюбиво. У вас есть мама? Родите ей от этого невозможного Рукова внука или внучку. Нет, вы подождите, вы сидите, я вас как старший по возрасту прошу. Хотя в какой-то степени долг перед родом вами будет выполнен. Вам не надо будет всю оставшуюся жизнь каждую ночь думать: «Ну хоть бы

другая сестра родила, ну хоть бы наш род продолжился, ну хоть бы я покачала племянников», и вы спокойно сможете заняться своей непосредственной работой по профессии.

Посватался Руков, когда приехал, и все толкали ее – сестры с одной стороны, а мать с другой, а она ждала решения Аркадия Ефимовича. И вот оно, оказывается, какое – решение ее начальника. Она привыкла к отверработанному кругу людей и смогла принять предложение только через вышестоящего начальника, так как привыкла верить его словам. Тем более что та неясная фраза Рукова, сказанная в Новосибирске ей одной – «Выходите за меня, но не сейчас, а когда произойдут известные события» – разъяснилась теперь. Большие люди в поступках и делах соизмеряют себя с большой политикой. Умер Сталин, началась кадровая перестановка, Руков смог перевестись в Москву. Что ж – замуж так замуж – решила она, не думая тогда, что это была фраза Крупской – приписка к письму Ленина в ответ на его предложение.

Оглушенная, Тома отошла к окошку. Неясно, что делать? Леонид Николаевич – ничего, хороший, ответственный человек, приятный человек. Но ведь он чужой человек. Как же быть? Разве можно чужому человеку всю свою жизнь доверить? К лицу ли это мне, ответственному работнику? Он и сам за многих людей отвечает. Как же он так? Мы друг друга и не знаем практически. Ну да, четыре года переписывались, полтора раза встречались.

Никого не видя и не слыша, как ступоре стояла она у окна. Мать буквально впихнула её в руки Леонида Николаевича. Он молодцевато поблагодарил её за доверие, они пошли к машине и поехали в его комнату в центре.

«Ого, в центре! – отзвуками пробежало в головах Риты и Вали, – комната в центре – это не хухры-мухры».

На Фасадной он стал рассказывать ей о новостях в Сибирском отделении Министерства, какие там произошли перестановки в связи со всем понятными политическими событиями (смерть Сталина), а именно то, что Ермакова перевели на его место, а Котелкова попросили.

– Куда попросили? – не поняла она.

– Ну куда просят... – без укоризны улыбнулся он и посмотрел ей в глаза, – на заслуженный отдых.

Во всем этом она плохо разбиралась, но всё-таки сказала, может быть, из политеса: «Как жаль, он куратором нашим был, мы с ним на Красноярский карьер ездили».

Он немного помолчал, потом стал рассказывать, как и какую должность он получил в Москве, стал объяснять, какая команда собралась в лице Пронина и Толкачева и еще кого-то, и отметил, что при его должности нельзя было уходить с работы, как он бы этого ни хотел по своему чувству. Нельзя было просто приехать к ней. С такой должности не уходят, можно только переводом, когда тебя просят в новую команду, которая собралась после известных политических событий. Мы сейчас работаем в новой команде на Хрущева.

Она понимала, что ему за чем-то нужно было поговорить с ней об этом и даже включить её в круг волнующих вопросов, как бы приблизить к себе, как супругу. Но в московском министерстве она тем более не разбиралась. И мужчины такого уровня не ставили её в известность о своих замыслах и концепциях, поэтому она по большей части считала, что у мужчин нет и не бывает таких разговоров. Она же практик. Поэтому она ехала в центр, на Фасадную, где их ждало семейное жильё в размере коммунальной комнаты и слушала его откровения как марш Мендельсона, свой свадебный марш, раз уж она решила, что выйдет за него замуж.

Только в машине к ней вернулись её чувства, до этого как будто замороженная была. Как же так? Я еду жить с чужим человеком и к чужим людям? Все эти мысли не давали ей покоя.

Когда они вошли в его большую комнату, сели на банкетку, как в театре, и стали смотреть в окно на большую высотку перед собой, как на собственный Кремль, как на отчет о своих достижениях, – это было торжественно и красиво. И консьержка в подъезде, и лифт, и мусоропровод, и горячая и холодная вода – всё это было так необычно. И он, отчитывающийся, что сделал за эти несколько дней: «Принял к руководству плановый отдел в министерстве, получил

эту комнату для жилья, купил машину, чтобы самостоятельно передвигаться, ну и сделал вам предложение», – пошутил он.

Она всё так же была напряжена. Потом в дверь постучали. Оказывается, надо было идти знакомиться с другой проживающей в этой квартире семьей. Квартира двухкомнатная. Кухня небольшая, в отличие от комнаты, – метров десять. Там сидели и улыбались простые душевные люди: муж, шофер, водитель Мингео, живой, оборотистый, какими всегда бывают шоферы, тем более у таких начальников – в Мингео самого Смирнова шофер! – и его жена, домохозяйка. Познакомились. Они стали звать старшего сына, чтобы он пришел познакомиться с новыми соседями. Этот уже почти молодой человек смущался и отнекивался от знакомства, от родительских наталкиваний. Он весь в себе. Просили двух сестреноч-погодков, еще подростков, помладше брата, идти знакомиться. Те наоборот, были рады подойти к столу, и сделали это с удовольствием, из любопытства, из предощущения взрослой жизни. Вот уже сейчас они стоят на её пороге. Со стола дали им пироги, и они были довольны, аппетит хороший. А пятилетний карапуз Генка – такой пострел! Тарашил на соседей глаза, потом сползал с ручек, бойко делал военное движение и быстро убежал к маме на ручки. Очень был очень доволен и так проделывал несколько раз.

Муж – невысокий, крепкий, с пронырливыми глазами (наконец-то дошло до взрослых, кто хозяин в доме – такой именно, который звезд с неба не хватает, но и своего не упустит) предложил тост за знакомство, за дружбу и понимание в квартире:

– Милости просим! И за знакомство выпьем! И за совместную жизнь во вверенных нам жилищных условиях.

Жена-домохозяйка широким жестом пригласила гостей откусать с накрытого ею стола.

Тома улыбалась и молчала, пока милые и добродушные люди, словом, как всегда у русских, за первым столом дают много обещаний и напутствий. Правда, её больше волновала предстоящая неизвестная ночь. Но в целом посидели хорошо. Со своей стороны Леонид тоже поднял рюмку и заверил, что будем жить в согласии и дружить, ибо делить нам нечего: у нас общая квартира. Мужчины еще потом выпили по несколько рюмок, жена его тоже не отставала от мужчин, а Тома пригубила одну и на том закруглилась.

В свою комнату они вернулись довольные, ну, может быть, немного было шумно. Дети всё-таки бегали, куски таскали, но в целом ничего.

«Как это первая ночь будет с чужим человеком?» – опять напряглась она о своем. Но оказалось, зря она волновалась. Надо же! У нее-то опыта не было, а вот сестры говорили: «Какой мужик ни будь и что он ни говори – всё равно, как зверь, навалится и растерзает». И она волновалась, даже ждала – когда же будет наваливаться?

А он усадил её на то же место, на банкетку, и она невольно стала опять смотреть на высотку. Спокойную, большую темную глыбу, всю расцветченную какими-то огонечками. И он также спокойно, бодрым голосом рассказал диспозицию на эту ночь и на последующие. Он завтра уезжает в Кисловодск для поправки здоровья. И когда он приедет через месяц, они, как ответственные родители и оба ответработники, зачнут дитё, которое их объединит в браке и сделает мужем и женой. А сейчас она ляжет на кровать, а он достанет для себя раскладушку. А можно наоборот.

– Да, мне лучше наоборот, чтобы вы легли на кровать, а я на раскладушку, я геолог, я привычная.

– Ну, как хотите.

Она, всё еще благодарно глядя на высотку, на её айсберговое спокойствие, всё повторяла про себя: «Надо же! Какой порядочный человек попался. Не набросился, как тать. Дает женщине попривыкнуть к нему. В тридцать два года я к мужчинам непривычная. Я только и делала, что работала, ничего не знаю. И если он порядочный, так это только хорошо. Может быть, это правильный брак? Ответработник не может вести себя неправильно. Ему сделали

предложение – он должен принять. А если это еще и порядочный человек – может быть, я и полюблю его и привяжусь к нему».

Она подала ему руку, и он пожал её своей рукой, и она сказала ему как ответработник ответработнику: «Спасибо, да?» – «Да», – услышала в ответ. И они пошли спать в отведенные места.

Утром она сама закрыла, как он её просил, дверь своей комнаты вторым ключом, и они поехали к ней. До метро он её подкинул, а там она к себе на Околоточную доехала, думая, что только до вечера, а вечером вернется обратно, но сестры, обступившие её в родовом доме, не отпустили её ни на минуту. Спрашивали, что и как, и удивлялись её спокойствию. И это после ночи с женщиной?

Конечно, ни на какую Фасадную она не вернулась, а осталась у себя, и месяц прошел в девичьих разговорах и работе, как всегда. Всё внимание поглотили сестры, но, если честно, она и рада была, что отделалась легким испугом. Первая брачная ночь отложилась, а сестрам она сказала: «Ему некогда, он уехал поправлять здоровье». Да, говорила она, смеясь: «Как на другой планете побывала или с парашютом прыгала». И они смеялись: «муж хорошо, а дома лучше», куда-то укатил, не успев жениться.

Словом, посмеялись. Сама же она удивлялась, что очень уж всё правильно и даже не верится, как правильно, а потому, может быть, лучше помолчать. Мать сказала: «Вот и хорошо, что муж уехал отдыхать. Человек занятой, пост серьезный, после приезда ему отдохнуть надо, пусть здоровье поправит».

А семейный пророк Валя сказала: «Темнит он что-то с тобой, вот помяни мое слово – темнит, что-то там будет нехорошее».

«И откуда она всё знает про всех? И про мужчин тоже, – удивлялась Тома. – А вдруг у него большое сердце и он так галантно любит?» Но боялась, боялась возразить Вале. Хотела верить себе, а душа её опять была беспокойна, невольно искала подвоха и не находя, тревожилась уже без причины, сама по себе. И это было неожиданное для нее состояние и не сказать, что приятное.

Работа, всю её юность поглотила работа. И воспитала-то её работа. И ничего-то она не знает. А вот младшую воспитала главная улица, улица Горького, Белорусский вокзал и начало Ленинградского проспекта. Младшая грубила дома: «Это вы все швеи, а я не хочу быть швейей. Я хочу идти в химический техникум или на курсы английского языка». Но это всё разговоры. Главное – ей позарез нужны были нейлоновые чулки. Она не может в старушечьих на улицу выйти! Это же позор! Ну что ж, Тома купила ей нейлоновые, деньги у нее были. Сама на себя Тома не тратила, не на что было. Ничего такого в себе она не чувствовала. А вот матери с первой полочки часы купила и вручила на день рождения. А мать сказала: «Ты – ответственный работник, тебе они нужны, а не мне. Вот ты и носи, тебе они нужнее. А мне полы-то приходится мыть – как пришла, так и ладно. Куда мне твои часы!»

На улице Горького Валино образование кончилось. Дальше был офицер, или нет, кажется, курсант. Встреча с офицером на Ленинградском проспекте вышла конфузом: один ресторан, постель у какого-то друга, беременность и аборт. И это в такие времена, когда делали аборт у бабок. А государство в те времена женщинам не помогало. «А зачем? – твердило государство, – веди себя правильно. До брака – ни-ни, а то ишь чего захотела! Удовольствия? В больнице от удовольствия лечить не будут! Зачала – вот и рожай!» А куда ей с ребенком? Все на улице пальцем будут тыкать всю жизнь. Что она, сумасшедшая – оставлять его?

Офицер сбежал, «производство» ему на дом прислали, он на самолет – и в неизвестный для нее гарнизон улетел. Валя пошла в военную Академию. Что с ним, как? Она как на работе хотела: концы с концами должны же сходиться. Начальство его по-фельдфебельски пошутило: «Ничего не знаем, нам он свой паспорт не оставлял, чтоб с вами идти по доверенности распи-

сываться. А какого он гарнизона теперь – мы сказать не можем, потому что это военная тайна. Вы знаете, что такое военная тайна?» – она оторопело кивнула. – «Ну вот и идите отсюда».

– В этом деле не как на работе, – сказал начальник академии другому начальнику. – В этом деле – как в удовольствии. Схватил, выкрутился – и порядок. Мы и сами все такие. Если армия женщинам подчинится – какая же это армия?

А средняя, Рита со случайными ни за что на улице не будет разговаривать. Идет раз по улице, задумалась что ли, а один офицерик хватает её восторженно за руку, как Валентину Серову: «Вы знаете? Я по-честному, по-хорошему! Я сегодня получил производство, и вы мне понравились! Бежим в ЗАГС, распишемся, мне ночью в гарнизон вылетать на границу». Она холодно освободила руку из его руки: «Я-то вам понравилась, это вы сказали. А меня забыли спросить – вы-то мне понравились или нет? Он вдруг опешил, а она возмущенно заторопилась дальше. Тут с партнером неизвестно что творится, всё нутро переворачивает, а какие-то легкомысленные лезут!

– Прогодала ты, Рит, – после иронизировала Валя, – надо было соглашаться. Три-пять лет на границе, еще пять за Уралом, ну а лет через пятнадцать-двадцать двухкомнатная квартира в Москве, поднятые дети, обеспеченная жизнь. У нас советские офицеры хорошо получают: пайки, ларьки, выслуга лет.

– Что ты мне его суешь? Ты сама бы согласилась?

– Я – нет, я звезда. Мне каждый день в Москве дорог. Звезды из центра никуда не едут. Меня, может быть, Бернес куда-нибудь пристроит скоро, а я уеду? Я не дура.

– Ну и заткнись тогда, если не дура.

«Два притяжения у нас, – думала Тома, – военная академия и стадион». Рита с детства привыкла на гимнастику ходить. Теперь у нее с тренером любовь, да неудачная. То есть всё удачно было, пока она в секцию ходила, пока готовились, чтобы в Чехословакии соревноваться. Взяли, да. И что? Ну что: у чехов уже спортивная обувь пошла, а мы в своих тряпочных тапочках бежали. И что? Непонятно, где результат? Так и не сказала, очень её наши шаровары и тряпочные тапочки удручили. Так в семье и не знают результата. Одно Рита сказала: «Так в Европе уже не бегают. Мы там как татары в шароварах бежали. Какие могут быть показатели?»

Зато любовь её была верная, обоюдная, как ей казалось, и она ценила её и несла перед собой, как спортивный кубок, образно говоря. И вдруг Сева пропал на два года. Она не знала, не понимала, что случилось? Не могла придумать никакую версию, хотела бежать во все больницы сразу, искать его там. Что случилось? Не верила никому и ничему. Дошла до того, что согласна была, чтоб он где-то там лежал, а она пришла бы и ухаживала за ним после катастрофы. Но оказалось всё гораздо проще и невероятнее для нее. У него есть другая. Кандидат наук аж по рыбной промышленности. А в послевоенное голодное время все продуктовые названия очень сытно звучали. Она не верила, но ей показали. И тогда она в отместку начала кататься со своими из тренировочной группы на машинах, ходить по ресторанам. В пику ему и в отместку ему. И вообще, не приставайте ко мне, я ничего не понимаю, он тренер, он опытнее, он знал, что хотел.

А мне кажется, если он, с небольшой зарплатой, хотел провинциальную деловую женщину, которая введет его в общество и от которой будет квартира и бюджет поприличней, то это банально. Но видимо, так и было. А теперь мне кажется, что всё было глубже на подсознательном уровне. Оставил он Риту на крайний случай. А крайний случай – вот он, уже здесь. Покажите мне тренера, который не пьет – это нонсенс в советской действительности. Значит та провинциальная женщина спокойно его выпроводила, а этой досталось черт знает что. Как иначе сказать? Жить с глубоко пьющим человеком. Но это всё мои догадки. Я знаю всё как командировочная, из писем и разговоров по приезду в родовую квартиру. Этого мало, но понять хочется. Ни для кого – для себя и для нее. Да, видок у нее стал неважнецкий: нерв-

ная и чуть что – сразу собачку спускает. А как раньше-то, когда на 14 марта, на день рождения матери, все голубцовские приезжали? Сама доброта и внимание.

И как она умела с деревенскими просто и задушевно разговаривать – на загляденье! Итог, я считаю такой: слишком предана она была своему первому чувству.

Глава 7

Беременность

Через месяц к приезду мужа Тома вернулась на Фасадную. Руков приехал из Кисловодска загорелый, посвежевший, они опять сели на банкетку перед своим домашним кремлем на Смоленской-Сенной и, пристально вглядываясь и как бы опираясь на него, начали беседу. Поначалу он отчитался, что здоровье свое он поправил. И в том же бодром духе продолжал, что мы, как ответственные супруги и ответственные родители, должны возлечь и совершить акт во имя нашей общности, во имя нашего ребенка. Мы должны сначала потренироваться и сбросить психологическое напряжение, как советуют американские психологи из журнала «Америка». Поэтому возляжем одетыми и будем привыкать к этой ситуации.

Ну, конечно, никаких страхов у нее не было, а скорее любопытство. Он взял её за руку, и они возлегли одетые и долго лежали так. Потом он начал утверждать, что никуда не деться – придется раздеться. Мы обязаны ребенком объединить друг друга навсегда. Она кивнула. А значит, мы обязаны раздеться и полежать так. Она согласилась. И лежала без ничего. Потом он сказал, что, невзирая на высокие посты в социуме, каждый ответработник физиологическую сторону вопроса должен преодолеть. Вы согласны? Она кивнула.

– А следовательно, – продолжил он, – ничего не мешает нашему разуму понять, что я должен взгромоздиться на вас, Тамара Ивановна, как того требует физиология процесса.

Она кивнула и закрыла лицо краем простыни.

– А после некоторой адаптации мне всё-таки придется совершить физиологический акт. Можно даже по первости не очень горячиться.

Она зарделась. Хорошо, что через простыню этого не было видно, и никакие свои невыносимости она не показывала. Молчала. По слухам, она ждала боли, а её как-то не было или она пропустила, отвлекшись на что-то свое, может быть, даже на свою физиологию.

Утром она встала с чувством исполненного долга перед общим ребенком, с чувством признательности к собственному мужу и с мыслью, что хорошо бы беременность пройти сразу и по-рабочему. Поэтому, когда не пришли месячные, она пошла ко врачу, получила все консультации и поехала сообщить всем на Околоточную.

На Околоточной все были дома. «Я в положении», – сказала она. Валя фыркнула: «Ну я не знаю!». А Рита покраснела и осталась сидеть, где сидела, на стуле у стола, как пригвожденная. А мать сказала: «Ну слава Богу! Хоть первый внучок будет». А больше никто ничего не сказал, и она пошла гулять по своему району: по Нижней Масловке, Мишину проезду, к стадиону, Петровскому парку, с симпатией уже вспоминая своего мужа и твердя себе: «Надо готовиться к ребенку, надо готовиться».

Беременность – это боязнь, страхи, резкая прогрессирующая смена габаритов, бесконечные перепады настроения, – и о, ужас, – предошущение битвы. Вот прямо сейчас, в эти ворота, к этим людям в белых халатах. Ты или тебя? И без никого, без эмоций, интеллекта, опоры. Только ты и на физиологическом уровне. Ужасно. А вокруг твердят одно – готовься! А вспоминать – легче, правда, легче. Пассивная подготовка получается. Беременная, ни чем ни занятая, да, деятельная и дошедшая до восьми с половиной месяцев на работе, получив две недели отдыха, она себе позволила повспоминать про детство и про род. Да, позволила себе, неожиданно для самой себя, волевой, решительной, занятой, прохлаждаться воспоминаниями.

В родовую деревню Голубцово, что в Волоколамском районе Московской области, нас вывозили на три месяца без родителей. У родителей в Москве на Околоточной был старший и единственный сын. Ему освобождали место летом, чтобы он готовился к институту. И отец был занят им, убеждал его идти только в рабочие, и сын работал на литейном заводе, а кроме того готовился по вечерам. Иногда приходили его друзья, они играли на мандолине и гитаре, пели и общались. Родители делали ему взрослую молодость. Дуня им готовила, а нас, чтоб ему не мешали, отправляли в деревню к бабушке Матрене. Так родители думали сделать из Васи человека.

В деревне у бабушки Матрены, мы, помню, сцепились с деревенскими, ругались друг с другом, стоя каждый на своей изгороди, кто кого переспорит. Да, изгородь на изгородь поливали руганью – всё, что осталось в памяти от деревни.

Да, а после Васи, тут же во дворе на Околоточной, в 1939 году моя подруга Ривка влюбилась в русского. А родители ей в таком выборе отказали. Она по молодости даже не посоветовалась ни с кем, и со мной тоже. Пошла и повесилась. Вот такая драматическая любовь. И моя любовь, тихая и спортивная, развивалась в то же время. Играли в волейбол и смотрели друг на друга. И не то что родителям, а и друг другу не успели сказать ни одного слова. Он ушел на войну, а с фронта не вернулся.

Глава 8

Дочка

Я родилась я январе 1955-го и хотела, чтобы это был памятный и радостный для родителей день. Ведь по новой теории не они тебя, а ты их выбираешь при рождении. Хотела, как «девочка добрая». Это была бабушкина присказка – будь всегда девочкой доброй. Однако мое рождение оказалось для родителей, прежде всего, трудной проблемой. Тогда, если кто помнит, на рождение ребенка было положено два месяца, а остальное – как знаешь. На другие порядки за железным занавесом оглядываться не приходилось.

– Через две недели мне выходить на работу, – это первое, что мама сказала папе, передавая в роддоме кулек с ребенком.

При людях он помолчал, а дома сказал:

– А зачем тебе работать? Я тебя обеспечу.

Она сказала:

– Я не для того училась, чтобы дома сидеть.

Стало ясно, что супруги не понимают друг друга. Она поехала на Околоточную, собрала семью и спросила:

– Я вот геолог, постоянные командировки. У меня ребенок. Кто поможет с ним сидеть?

– Ну уж нет, – отрезала Валя. Мало того, что Томке замужество обломилось. Ещё и с её ребенком сиди! Я звезда, я должна блистать и только. От негодования она встала и сбросила кошку на пол. Та недовольно фыркнула. Кажется, всё-таки начинается? Опять громко разговаривают, почти ссорятся, хотя чужого нет. Не делят ли они опять, кто будет главной кошкой в доме? Поцарапать бы кого-нибудь от обиды и досады! Я не интересна никому! Но ничего. Когда хозяйка подойдет к коврику – я ей задам. Не буду ласкаться, а буду царапаться и рычать. Пусть знает, как меня одну оставлять!

Почему-то неожиданно в первый раз её взяла старшая дочь Тома, прижала к себе и начала неумело гладить. И кошка сразу почувствовала, что старшая беременна. Вот! А то ходила и делала вид, что не знает, кто в доме главная кошка. Но я не злопамятная. Знаешь – и мурлыкай про себя. Ласки даришь – мне и достаточно. Хоть младшая засмеялась – «И гладить-то кошку не умеешь! Куда тебе родить!» – кошка сразу приняла беременную старшую из-за веч-

ной беременности всех кошек на Земле. А старшая, родив, опять отдалилась и отблагодарить забыла. Какое возмутительное непостоянство!

А средняя Рита подумала: «Вот надо же! И тогда предложение мне не сделал и сейчас вот ребенок родится у сестры, а мне ничего. Так ведь и ославить могут. А если я буду с её ребенком сидеть, то каждому на Околоточной можно ткнуть в глаза – «Кто меня возьмет? Какого ребенка мне рожать? Тут вот племянницу некому воспитывать! А с племянницами разве берут замуж?» и поэтому ответила сестре: «Ну что ж, оставляй, посидим!», как бы продолжая диалог со своим Севой, в ответ на его слова:

– Конечно, мы будем с тобой жить, только я расписан с другой и от нее ребенок.

Тогда она врезала ему: «Ты что? Беленов объелся? Я не договаривалась с тобой делить ребенка от другой женщины». А с сестрой делить ребенка Рите было в радость.

И опять Дуня была единственная, кто была адекватна. Весело и задорно, будто это никакая не тяжесть, а смысл жизни, отвечала:

– Да как же, конечно посидим! Надо, надо. И живем, чтоб деток рожать и воспитывать. Ничего! Езжай, езжай! Работай, где там тебе нужно. Посидим, ничего, посидим.

Отец не участвовал в обсуждении. Про себя сказал: «А куда денешься? Посидим».

Заручившись положительным мнением семьи, в чем она не сомневалась, Тома приехала обратно и резанула мужу:

– Я договорилась с начальником, что первое время он не будет меня посылать в командировки, я буду пока здесь, при институте, и беру няню. А потом, года в три, посидят родственники.

Как человек сибирский, если не по рождению, то по жизни, Леонид Николаевич не ожидал такого оборота. Ну, во-первых, женщины не прекословят мужу, если он что решил. А во-вторых, не рвутся на работу, если муж обеспечивает. Он не согласился с этим, даже приняв её объяснения.

Вечерами, когда они оставались одни, сидели рядком на банкетке и глядели на свой Кремль, она рассказывала, как ходила рыть противотанковые рвы в сорок первом, как поступала осенью 1941 в институт, как училась при бомбежках. Ведь в Сибири войны-то не было. Как днем работала кочегаром за пайку хлеба, размышляя, сразу съесть или в два приема, утром и вечером, как, переутомленная, не ходила в бомбоубежище при ночных налетах немецкой авиации, а как её научили, пододвигала кровать поближе к стене, чтоб не задавило потолком, если будут бомбить их дом. Отец с матерью учили брата Васю стать человеком, и он передал ей это настоятельное желание выбиться в люди. И да, она не скроет, что кроме брата и родителей, у нее еще был хороший декан в институте, который тоже учил её окончить институт, работать по профессии, быть кем-то в этом государстве и за что-то отвечать. Быть крупной личностью, если тебе государство доверило бесплатную учебу и отплатить государству добром. «На ваш возраст не пришлось воевать, – говорил декан, – зато на ваш возраст пришлось восстанавливать из руин то, что было разрушено. В мирное время нужны здравницы, здравницы и здравницы, чтобы отдыхал и лечился израненный народ. Вы должны напряженно и без оговорок работать». И она приняла это как свою догму, полностью верила ему и все четыре года училась с этой мыслью. – Да вы что? – говорил декан. – Вам государство доверило такую науку! Государство ждет от вас отдачи, а вы зароете себя где-то в глуши? Какое вы имеете право подводить государство, когда ему нужны строители, чтобы народ отдыхал и лечился?

– Я защитила диплом и уехала строить лечебницы в Крым. И строю до сих пор. И я сделаю всё, чтобы оправдать доверие своего государства. А ребенку я найму няню. Я буду самозабвенно работать там, а няня – здесь. Так же добросовестно, как я – там. Разве не так?

Он ничего не сказал ей, потому что был очень опытным человеком, много пережившим. В том числе и допросы с пристрастием в свое время в органах времен войны. Он понял, что ей еще много предстоит узнать о жизни, что в материнство она только-только вступает, и что

если он будет категоричным и пойдет до конца, он её потеряет. А второй раз терять жену он уже не имел права. Ресурс не позволял. Решил – будь как будет, пусть действует сама. Работа не может быть предметом торга. Для советской женщины основа её социальной значимости – работа, а для ребенка есть няня и бабушки.

Глава 9 Соседи

– Никакая дружба ни с какой женщиной невозможна, – сердечно наливая заветную влагу в рюмку из графинчика, потому что в 1950-е ставить на стол бутылки было нетактично, – говорил сосед. – Женщина – не друг мужчине.

– А кто же тогда, враг? – легко и интеллигентно смеясь, парировал папа, несколько неловко сидя за праздничным столом с соседями.

– Нет, и не враг, – не давая себя сбить, продолжал сосед. – Ну, будем.

Чокнулся с папой и опростал первую рюмку залпом.

– Женщина – она баба, вот и всё. Я в тридцатых на Украине председателем колхоза был. Сколько их у меня перебивало, и звеньевых, и рядовых колхозниц. И если только чуть-чуть с какой в дружбу или во вражду – то всё, атас, никакой работы. И никакого отдыха. Одна свара. Женщина – она баба и должна ею быть. И должна свою детородную и хозяйскую функции соблюдать. А в остальном я её не знаю и знать не хочу, – тыкая вилкой в грибочки домашнего посола с мелко порезанным лучком, любезно поставленные под водку.

Соседка молчала, стоя у мойки.

– Не пяль zenки, я говорю, что есть, говорю правду, – бросил сосед своей жене на ее недовольный взгляд.

Соседка молчала, моя посуду и отвернувшись от стола. Сзади четыре его ребенка, как итог его жизненных рассуждений и жизненного опыта, по случаю праздника бедно, но тщательно и прилично одетые – Борис, Алла, Ирина, Геннадий – сидели смиренно и поперед батьки тоже ничего не говорили, ожидая материнского праздничного пирога.

Старший, Борис, поминутно взглядывал в окно, будто пытаясь найти там что-то новое и ужасно интересное. Его уже властно влекли социум, улица и город. Алла и Ирина, 10 и 12 лет, как все девочки, сластены, не возражали представившемуся случаю поесть сладкого. Но в свои десять лет они научились кокетничать и им здесь уже было скучновато. Единственно для кого пирог был настоящим праздником, это был младший, Геннадий, мальчик четырех лет, неотрывно и влюбленно глядевший на мать, ожидая, когда та подаст пирог.

– Или вот возьмем твою ситуацию, – медленно и тягуче пропуская третью рюмку, смакуя ее и ожидая незапланированных реплик собеседника, – твоя женщина не успела родить, а уже сбежала в командировку.

Папа всегда считал первым делом с женщиной – равенство, то есть дружбу и взаимопонимание. Ему было что возразить. Но ради праздника и добрососедства в коммунальной квартире он заставил себя выслушать Иосифа Петровича – так звали соседа – до конца, раз уж подписался.

– Ребенку три месяца, а она улепетнула, и душа у нее не болит. А это только начало. Бросившая в начале ребенка – бросит в конце и мужа. Если б я дал слабинку, то не только б не выехал из Украины, а и на кухне на этой бы не сидел. А я вот курю, – продемонстрировал сосед, кто в доме хозяин.

– Помолчи, – быстро цыкнул Иосиф Петрович в середине своей же фразы жене, вдруг захотевшей что-то сказать.

Да, с первой женой папе такие интеллигентские представления боком вышли. Она вдруг загуляла, когда работа позвала его далеко и надолго, как полагается геологу, а потом уж что

ни делали – и мирились, и ссорились – остановиться не могла. А ведь ему, как настоящему мужчине, нужно было делать карьеру, то есть ездить в командировки и открывать месторождения. За так-то чины не дают. Так что по-сибирски, до восемнадцати лет дотянув дочку, он расстался с женой. И теперь у него второй брак.

– Да, тебе не сладко. Готовить не умеет, за тобой следит плохо – стирать носит в прачечную. Это же смех! Ребенка, я уже сказал, бросила. Итоги: при дружбе с женщиной она не выполняет ни одной из положенных ей бабьих функций. Ничем хорошим для твоего брака это не кончится. Вот помянешь меня. Ну, будем.

И подытоживая, опрокинул пятуюю.

– А я сказал – молчать! – Это опять жене. – У нас мужской разговор и не суйся.

– Ну всё, дети, – бросилась наконец к плите соседка, вынула оттуда горячий, густо пахнущий сверток, поставила его на стол, обжигая пальцы, и разрежала его, дымящегося, на куски.

– Ну всё, дети, готово, – повторила она, как присказку, – слава тебе, Господи! – и разложила по блюдечкам, хотя было не готово, но очень хотелось уступить нетерпению детей и встрять наконец на законных основаниях в праздничный мужской разговор. – Ты, отец, первый кусочек возьми, а потом уж дети.

– Да нет, ты же знаешь, я сладкого не ем. А куснешь – только испортишь. Мы лучше с Леонид Николаичем еще по одной за соседскую дружбу, – усаживаясь основательно, как японский бонза, на своем стуле, в своей кухне, у себя в квартире, сказал Иосиф Петрович.

Вернувшись в комнату, папа в сердцах раздумался: «Черт меня угораздил лезть с ними в дружбу! Говорила жена – не лезь, всё равно не подружисься. Интеллигент с простолюдином не подружатся никогда. Так я не послушал. Он ровесник мне, а взялся меня учить, хотя я его не просил об этом. И кто учит? Шофер моего начальника всего лишь!» Потом он выкурил еще одну папироску уже в комнате, и мысли потекли несколько иначе. Ведь говорил ей:

– Брось работать, возьмись за ребенка. На моей зарплате начальника отдела уместимся.

Так нет:

– Я не для того училась, чтобы с детьми сидеть. С детьми сидит няня, вот ее и найдем. А я – как ездила, так и буду ездить.

– Что ж, без тебя не справятся?

– Да, именно! Мне мой начальник так и говорит. Без вас, Тамара Ивановна, все дело застопорится, вы должны ехать обязательно.

Это была первая неожиданность для папы как для мужа. А на кровати лежал маленький комочек с двумя дырочками и тихо сопел. Его принесла няня, уложила спать и ушла.

Нянька – первый человек из низших классов, с кем я была вынуждена встретиться. Конечно, как девочка добрая или старающаяся таковой быть для бабушки, я бы хотела состоять в добрых отношениях и с няней. Но в юности, когда няня жила и работала кем-то в рабочем поселке, один молодец обманул ее. Чтобы не опозориться, она должна была скрыть беременность, сделала аборт, да неудачно, после чего и отдало ей на голову. Станный какой-то случай. Она уехала в город и стала жить сидением с детьми. Устраивалась няней, и все хорошее и дорогое, приготовленное ребенку, поела в больших количествах. Она стала толстой, пожилой и раздражительной, а остановиться не могла.

Всё это было говорено соседке Галине Прокопьевне, с каковой она сошлась на кухне, работая няней, в собственные уши и не раз. А маму мою ее подноготная не касалась. С мамы на работе строго спрашивали, а она с няни спрашивала.

И что же получалось? Наготовленные мамой щи для няни и для ребенка – как стояли, так и стоят киснут. А красная икра на три дня для ребенка, по слабости здоровья ему нужная, – съедена дочиста. Мама сердилась и никак не могла взять в толк, как же это? Маме было обидно,

мама чувствовала себя обманутой. После нескольких предупреждений пришлось с няней расстаться.

Мое рождение оказалось проблемой и для соседей, которые привыкли брать числом и бытом подавлять маму с папой. Но с моим рождением соседям пришлось все-таки подвигнуться, а маме научиться отсобачивать соседку Галину Прокопьевну в ее же духе и на ее же уровне, чего я, как девочка добрая, и произнести даже не могу.

Соседи молча смотрели, как завешивают пеленками кухню, пропускали в туалет трехлетнего ребенка, а мама держала меня за ручку в коридоре и следила, чтобы не было провокаций. Словом, пришлось пройти школу коммунального героизма, которую мало кто достойно выдерживал. Пережил – и то достаточно. Конечно, в другое, вне естественных отправок время, приходилось сидеть как в осажденной крепости, и слышать, как по коридору несется и улюлюкает противник.

– А еще интеллигентные люди! – слышалось из одного угла.

А из другого:

– Мы пришли как порядочные знакомиться, договорились дружить, выпили! А теперь вона как! И косыми не глядят! Значит, всё на словах было?

Папа и мама молча, в комнате, проявляли выдержку и характер. Как у ответработников у них был большой опыт работы с людьми.

Сосед сбежал с голодовки на Украине в 30-е годы. Его долго мотало по городу и наконец он осел здесь, на Фасадной, персональным шофером у Смирнова. Любил по вечерам, правда уже на пенсии, в тепле и холе по-обломовски лежать на диване, глядя на свой личный Фасадный кремль и вспоминать со слезами на глазах про голод на Украине 1933 года. А его хозяйка, как сосед называл жену Галину Прокопьевну, тем временем с удовольствием гнобилась на кухне.

Галина Прокопьевна – женщина маленькая, неказистая, но плодовитая и настырная. Шесть ртов накорми, напои, обстирай, а тут посторонние... Которые, видишь ли, право имеют. А я не согласная! Одних умываний шесть, тарелок шесть, чашек шесть, ложек шесть, а умножь на три? Завтрак, обед, ужин? Умножь, если ты такой умный... Умножь, а потом подходи.

Папа всегда возмущался:

– Почему это вы, Галина Прокопьевна, всё собой заполняете, безвылазно на кухне сидите?

А мама всегда уводила его:

– Не ссорься, Леонид, пойдем в театр. Будем выше. Будем истинными интеллигентами.

Правда, быстрая на словах, собиралась всегда очень долго, чем сердила папу.

– Оставим поле коммунальной битвы за вами, Галина Прокопьевна. Но победа всегда есть и будет за интеллигентной вежливостью, – неуклонно говорила мама.

И папа с мамой уходили. Она работала по фундаментам и любила во всем, и в морали тоже, находить фундаментальное для себя. Хотя, впрочем, дружба на словах все-таки продолжалась и продолжалась неукоснительно. Это когда нужно было позвонить к телефону. Папе дали комнату от министерства, а сосед был шофером того же министерства, и лучше других знал, что одного телефонного звонка оттуда было достаточно для большого разбирательства с непредсказуемым концом. Поэтому на все звонки они отвечали исключительно вежливо и исключительно вежливо и любезно, подходя к нашей двери, говорили:

– Это вас, Леонид Николаевич, к телефону. Или: – Это вас, Тамара Ивановна.

Но в то же время знали: чем хуже себя вести, тем быстрее съедут. Комната вон сколько стояла пустой. Если не передерживать конечно...

Мама выходила писать командировочные отчеты в ночь на кухню, чтоб ни соседям, ни ребенку не мешать. В ночь спокойнее, не отвлекает дневной стук в дверь и объяснения соседки

Галины Прокопьевны, почему старый график уборки помещений неверен и почему она составила новый, по которому вы, Тамара Ивановна, должны сегодня убирать.

– Когда вы были в командировке – я за вас убирала, а должны были вы! – кричала она, размахивая бумажкой.

Глава 10

Приезд на Околоточную

Быстренько-быстренько собраться с мамой, не забыть закрыть комнату большим ключом, не глядя в соседскую сторону пробежать коридором, скоренько спуститься на лифте с десятого на первый этаж, и, кивнув консьержке, что мы уходим, держа маму за руку полубегом подняться по Щепе к метро. Одним махом перебежать подземный переход и на той стороне в приторно-сладком воздухе старенькой булочной (она же и пекарня), глядя на большой дом Жолтовского с той стороны Садовой с библиотекой и балконом Джульетты справа, подождать такси. Потом гнать Пресней, Беговой, Ленинградским проспектом и въезжать в ворота, где двор – это еще зеленая лужайка, обставленная старыми дровяными сараями, за которыми всё еще стоят купы зеленых деревьев, а соседние дома увидишь из-за зелени не сразу и не во всех подробностях. А улица тиха. И солнце спокойно, не нервничая, обходит эту лужайку, где вместе с бабушкой за столом сидят соседки с детьми, с работами, товарками из других домов, веревками белья, корытами, бидонами и кастрюлями домашней снеди – в зависимости от сезона. Таксист, понимая жанр, гудит в свой клаксон, выключает счетчик. Призывно загорается зеленый свет – свободен. И бабушка, радостная, всполошившаяся, бросив свои дела, бежит к нам с мамой навстречу, широко расставив руки, чтобы я с разбегу не разминулась с ней, а со всего маху врзалась в ее руки, в нее и в ее сердце – так ей будет приятней всего. И крепко обняв меня, она говорит: «Какая моя внученька догадливая, что приехала! Знала, что бабушка ее ждет! Ну вот я и рада! Пойдемте в дом».

– Что Рита с Севой? – спрашивает мама, когда все садятся. Ей очень хочется про свою наработку рассказать.

– Да куда он денется! Не знаешь, какую пробку этому Севе вставить. Винищем от него каждый божий день несет, ни дня не пропустит. Я говорю: «Ты что? Не видишь, что ли? Замуж за него собираешься? Ох, погубит, говорю, тебя твоя верность да преданность. Не всегда в жизни это хорошо, не всегда на пользу человеку, иной раз и похитрее надо быть. Это он еще на своем здоровье, пока молодой, как-то прокатывается, а дальше, говорю, что будет?»

– Ну а она – что?

– Молчит. И чувствую, своего мнения держится непоколебимо.

– Ну, гляди, говорю, дело твое. Потом наплачешься, да поздно будет.

Жаль. Маме так хотелось рассказать свою наработку. Как только отъедешь в командировку – сразу от жизни отстаешь. А наработка была такая красивая: «Иду я по своему строительному институту (справку какую-то надо было взять), а навстречу мне высокий, статный, с красивым молодым лицом мужчина спортивного вида. Вот, думаю, какого бы нашей Рите в женихи, она спортсменка. Но как подойдешь к нему? В тот раз с Ритой не удалось переговорить, быстро вызвали в командировку. А приезжаю из командировки, вижу – она уже с ним. Я глазам не поверила. А они оба смеются».

Рита рассказала: «Послали нас на студенческую спартакиаду в Ленинград, там мы в одной гостинице, оказывается, были размещены. Так и познакомились». Да... там и познакомились... Ну, думаю, хорошая пара будет. А теперь вот как нескладно выходит.

Бабушка нервически берет ножи и вилки, чтобы их чистить. Не может без работы, даже и разговаривая.

– И кто ее, эту чертову водку, только придумал?

– Кто-кто! Менделеев, а то кто же! – кричит из другой комнаты дедушка. – Русская наука она такая! Никак в этом вопросе стороной пройти не могла.

– И еще что придумал, – продолжила бабушка Дуня, – ни с того ни с сего пропал. Ходил-ходил – и пропал.

– Как пропал? – спрашивает мама.

– Вот и мы Риту спрашиваем – как пропал?

– А как люди-то пропадают – в газетах писали да по радио говорили.

– Да нет, – говорим, – сейчас не сталинское время, чтоб люди без суда и следствия пропадали!

– Нет, говорит, раз мы любим друг друга – он не мог пропасть по другой причине. Сама не своя и плачет.

Мы давай думать: кто нам может разъяснить? Тетка Аня со Сретенки или дядя Миша, завгар в Химках? Позвонили сначала ему. У него человек в органах оказался. И человек тот подтвердил: «Сейчас не сталинское время, чего вы всполошились!»

А Рита – нет, узнайте, не мог никуда деться, если меня любит. Ну, узнал тот человек: «Нет, говорит, в органы не забирали». Ему потом дедушка отдельный подарок возил. Я говорю – что возил? Он говорит – не скажу.

– Ну что же? Где же нашли-то, мам? – Тома взволнованно.

– А он, видишь ли, никуда и не исчезал. Вот тебе и «любит – значит, никуда деться не может». А оказалось очень даже может. Он у какой-то лыжницы стал жить, которая тоже на спартакиаду с ним поехала, но уже на другую. Но не в пример нашей Рите, которая думала, должно быть, о любви и верности, когда была с ним, эта лыжница просто переночевала с ним, а потом, забеременев, поставила перед выбором: если не хочешь свою социальную карьеру ломать – женись или дальше оператора очистительных сооружений ты у меня в жизни не выпрыгнешь! Он на факультете канализации учится. Всё-о-о разузнала!

– И что же? Он так и не расписался с Ритой, что ли? – мама взволнованно.

– Да подожди ты, дай досказать, не встречай, когда человек рассказывает. Дай-ка мне, отец, новой наждачной бумаги, эта что-то не берет, – крикнула она в другую комнату дедушке и, получив бумагу и продолжив свою чистку вилок, продолжила рассказ. – Вот ему и пришлось выбирать. Сначала-то он просто отсидеться хотел, да видишь ли, она – женщина норовистая, не спустила ему. Ну, и выбрал он, как человек слабохарактерный, самое неблагодарное – роспись с той женщиной, прописку ее сына у себя в квартире и развод с той женщиной. Вот теперь Рита и жена, и хозяйка в его квартире, да только до той поры, пока он не сопьется и пока не вырастет прописанный там его сын от той женщины.

– Да как же так можно? – спросила в сердцах мама.

– А ты юриста спроси! Значит вот можно. Во всяком случае так Рита говорит. Вот она ночь там переночует, а шесть дней дома лежит и отплеывается. Вот какая теперь ее жизнь.

Глава 11

Праздник посадки подсолнухов

На майские праздники в семье бабушки было принято убирать палисад, потому что окна выходят на улицу и на пивной ларек, и после протаявшего снега остается много бумажек, вид неприятный. А еще и потому, что наша трехкомнатная квартира была на первом этаже полуподвального помещения, и лучше было самим убрать, вскопать и посадить цветы.

Бабушка сажала подсолнухи. Ни для чего, так, по деревенской привычке. Хотя, если посмотреть через дорогу от пивного ларька, ясно – в какой дом мужики пойдут попросить стаканчик, а в какой нет. Бабушка, когда-то работавшая и уборщицей, и сторожем, испытывала дефицит общения, и ей всё-таки было важно, чтобы мужички заходили попросить стаканчик.

Иногда они тут же распивали и оставляли бутылки бабушке. Она не брезговала таким приварком, как и все простые женщины в то время. А дочери, чтоб не ругаться с матерью, привыкли смотреть на это сквозь пальцы, но слегка пренебрежительно, в полной уверенности, что в их старости, копейки не надо будет считать, и это отомрет само собой.

В деревне Голубцово на горке закликали птиц для встречи весны, а теперь весну закликали взрослые копанием, сажанием цветов – и к обеду за стол. Тут тебе и весна, и субботник, и общая разминка перед застольем. Все, кто мог из родни, по деревенской традиции обязательно приезжали. Дуся с мужем, Аня со Сретенки, Миша из Химок. Ведь все через бабушкину квартиру в Москву попали. Она им была не чужая. И на такой общесемейный праздник Рита при- таскивала своего Севу.

Сначала я никак не могла примениться к нему в отношениях, он пугал меня своей взрослостью, чуждостью. И это же восхищало: писанный красавец, голливудский актер. Твердого отношения к нему не было, как и к теткам. То почти ненавидела, а то вдруг восхищалась им. Вглядывалась в него откуда-нибудь из укромного места. Интересным был только он, а все вокруг были знакомые. Любой мог подойти, запросто поговорить, громко поздравить с праздником. Но это были детские разговоры, я их уже переросла. Мне хотелось взрослых разговоров, наподобие разговоров теток с мужчинами. И когда приезжал Сева, чудилось – вот-вот он заговорит со мной, такой красивый, безупречный, восхитится моим умом, красотой, будет показывать всем, как свою подругу. Привозившая его тетка Рита пунцовела, недружелюбно молчала. Я не оставляла его своим вниманием, ковыряла клеенку, а из-под опущенных век видела его, ожидая вопросов. А Рита наоборот, никак не могла найти себя по отношению к своему роду. Ей казалось, все смотрят на нее и осуждают – вот какая, не умеет сразу захомутать мужика, позволяет ему прогулочные приезды по праздникам, а это уже далеко не юность.

Рита дергала его по мелочам: то не той вилкой влез в салат, то слишком много себе налил вина. Сева старался терпеть, не обращать внимания, а когда напивался, мог даже ласкательно обращаться к ней: «Ну что ты, Ритулечка, я оставлю эту салатницу в покое».

И это тоже было отвратительно. Ну никогда не обратится ко мне со взрослыми разговорами! И вдруг всё получилось: он позвал меня в Васину комнату. Идя туда, я ликовала. Напряженно села. Но – Боже! – что я услышала?

– Как ты можешь своему отцу Леониду дерзить и беспочвенно настаивать на каких-то мультяшках? У человека большая и очень ответственная работа. И не где-нибудь, а в Мингео. Он хотел этим футболом просто развеять свою голову. Неужели это непонятно? Человек в свой выходной не имел право расслабиться?

Ах, противный, противный Сева! Никогда тебя не полюблю! И я убежала.

– Ты опять что-то выкинул? Вот зачем племянницу расстроил? Зачем к ней приставал? – Рита уже стояла на цырлах в коридоре.

– Я её воспитывал. Что она отца до аффекта довела, что он не выдержал и уехал на свою квартиру? Разве так благонравные девочки делают?

– Не совался бы ты в воспитание чужих детей. Своего б сначала родил!

– Ха-ха, Рита, ты шутница!

– Бросьте вы перепалки, пойдемте к столу! – как всегда миролюбиво завершала инцидент бабушка.

А я еще долго повторяла про себя: «Противный, противный, никогда его не полюблю! Еще мне указывать вздумал! Указывай своей тетке Ритке!»

А один раз в праздник было интересное. Тетенька Валя, налив себе тарелку супа, кинув туда ложку и взяв табурет, пошла к пивному ларьку, на почтительном расстоянии поставила табурет, красиво воссела на него, положив ногу на ногу, и глядя в упор на очередь, стала вкусно есть на глазах у всех мужиков.

– Чтой-то она себе позволяет? – спросила Марья Михайловна бабушку.

Та вроде как ничего не ответила, потому что была занята, снимала белье в таз. А когда пошла его относить в дом, другая соседка, обращаясь к Марье Михайловне, сказала:

– Ты что? Не видишь? У девки бешенство матки по весне.

Ужасно противная эта Марья Михайловна, про тетеньку Валю всегда бабушку спрашивает:

– Твоя-то замуж не собирается?

– Да нет, откуда! – мирно отвечает бабушка. – С этой стороны – школа летчиков, а с той – нет никого.

– Да, – говорит соседка, – женихи нынче дороги. За просто так не хотят идти в семью. Да и балованы, надо признаться, летчики. Их на каждый праздник на Красную площадь приглашают. Одно слово – «сталинские соколы». Бери выше! Для наших девок – они не пара.

И еще я подслушала шипенье Марьи Михайловны и Шеленковой с нижнего этажа:

– Да какое ей замуж! Она вон в Мишин переулок ходила к старухе, которая самодельные аборты делает.

– Да ты что?

– А что ей оставалось делать? Погулял с ней сталинский сокол, бросил и уехал. Его, видишь ли, распределили. Да её вся улица засмеяла бы, если бы она с ребенком осталась.

А в очереди – кто краснеет, завидя вадино уплетание супа, кто откровенно не понимает женского маневра и удивляется, кто-то из мужиков раздражается:

– Чего расселась? И так пройти негде, очередь толчется, а еще ты тут цирк устроила.

А кто-то плевался:

– Бабы-то до чего дошли! Сами на шею вешаются!

А кто-то юморил:

– За одну плату, ребята! За одну плату!

– Чего за одну плату? – спрашивали его из очереди.

– За одну плату пивка попьете и ложкоглотание, как в цирке, увидите. Сейчас она её проглотит, подождите!

А были и те, которые сентиментально зазёвывались и мгновенно влюблялись в происходящее. Их толкали:

– Ну что стоишь? Ты в очереди или нет?

А они не хотели отходить и вообще разговаривать, хотели так стоять и смотреть, может быть, целый вечер смотреть, откуда они знают?

Но мужики напирали:

– Эй, двигайся, что ли! Какого ты там стал? По шее получишь!

А кто-то из шустрых пытался взять адресочек.

Я переживала за тетеньку Валю. Этот – мимо, и этот – мимо. Когда же принц-то придет, возьмет её под руку и своим повелительным жезлом рассеет эту очередь в тартарары? Но принц всё не приходил и не приходил. И вдруг, когда уже солнце начинало клониться за дома и продавщица закричала: «Больше очередь не занимать! Пиво кончается! Чтoб не было потом претензий и недовольных, я сказала – больше не занимать!» обнаружился мужичонка лет пятидесяти, нахал, который сказал, чтoб ему:

– Ну что? Семечками пришла торговать, а мешок-то украден?

Очередь рассмеялась. Тетенька Валя фыркнула на него, как кошка, забрала табурет и тарелку и ушла, гордо неся голову понятой. И больше таких штук у пивного ларька не проворачивала.

– Бабушка, а почему принц так и не пришел к тетеньке Вале? Она его так ждала, – спросила я вечером.

– Фи, милая, любовь – не то что годами – десятилетиями ждут. И то не каждому она достается.

Ну вот. А на третий год того же праздника было такое событие: дедушка взял меня за руку, покряхтел-покряхтел, засупонился потуже, и мы пошли гулять по улице. С бабушкой я гуляла только во дворе, а он отдельной строкой сказал бабушке, что если пойдет гулять, то уж никак не во дворе, а пойдет по улице и дойдет до школы летчиков (они же сталинские соколы) и что он, хотя и не партийный, но в душе большевик.

И еще что-то из того же ряда, что понимают только взрослые. На это бабушка сказала: «Хорошо, хорошо, иди, как хочешь, только смотри, чтобы ребенок не сунулся на проезжую часть».

И мы пошли с ним за ручку. А на улице он встретил другого дедушку, который был домашним радио для всех, и тот стал рассказывать новости. В том числе и о том, что на углу их улицы, Околоточной, построили родильный дом. Большая радость!

– Да, – сказал дедушка (на этой прогулке он себя плохо чувствовал, а вскоре и вовсе умер), – роддом открыли, а рожать некому. Вот я – нарожал девок. Думал внуков будет – завались, не буду знать, куда деться. А на трех – всего одну еле-еле родили. Что за жизнь? Не понимаю! Раньше-то в деревне по пять-восемь. Меньше – и не спрашивай.

– Ну раньше! – дипломатично сказал чужой дедушка. – Мало ли что раньше было. Мы живем при «теперь», с этого и танцуй!

На что дедушка сказал:

– Да уж! – и помолчал.

Чужой дедушка дипломатично опять кинулся в новости, но не в уличные, а в общегосударственные. Правда, тихим голосом:

– Скоро сталинским соколам капут будет, всех отправят на пенсию.

– Да не может быть!

– Да, точно.

– А кто ж вместо них?

– А вместо них будут стоять ракетчики, каждый при своей ракете, потому что Хрущеву нужно добраться до Америки. А на самолете этого не сделаешь. Он им всем хочет кузькину мать показать, чтоб они не зазнавались. Правда, по моему мнению, дело это рискованное. Как бы потом армия недовольных, отправленных на пенсию, не скинула его с трона. Но это – т-с-с-с – между нами.

Так я первый раз слышала фамилию Хрущева. И спустя какое-то время, когда стали везде публиковать его фотографии, я очень ему симпатизировала. Ему и Гагарину, когда он полетел в космос и мгновенно прославился. Он молодой и красивый, всегда в военной форме, а это украшает. А Хрущева я полюбила почти как Ленина. Папу ведь тоже забирали и сажали в какую-то комнату и стучали по стенам, не давая спать.

А Хрущев всех-всех освободил.

Глава 12

Вторые мамы

Про мою бабушку правильно сказал школьный поэт: «Мы говорим детство – подразумеваем бабушку».

Бабушка – это большой-пребольшой тополь во дворе, и большой-пребольшой стол под ним. И длинные лавки по обе стороны, и бабушкины товарки под ним. И их дела и занятости – одни руками, а другие часто в разговоре. Нашинковать капусту, поставить большую кастрюлю

на керосинку. Постирушки в корытах с куском хозяйственного мыла тут же. И лопающиеся пузыри от стирки. И разговоры, совершенно не улавливаемые мной. О чем это?

– Ну нет, Валя у нас с самого детства была форсунья. Уж такая уродилась. А Рита – очень чуткая. Я в ней души не чаю. А Тома – очень справедливая. С первой полочки принесла мне деньги и отдает. Я сказала – нет, забери и купи себе часы. Тебе, как начальнику это обязательно нужно, чтобы самой быть на работе вовремя и другим не давать расслабляться. Только начальником она работает не в Москве, а в Крыму, потому что она институт строительный кончила на «отлично» и её как лучшую туда послали. Я так думаю.

Товарки только ахали.

– Работает у самого синего моря. Правда далеко это. Мы ждем-пождем, а её всё нету и нету. Всё не едет и не едет. Потому что работа ответственная и далекая. А у других двух дочерей дело лучше насчет работы. Дом и работа в одном месте. Валя прошла немножко – пять остановок на метро – и там её магазин. Там она продает ткани. Но еще: если модницы какие зайдут – она запросто может им скроить что-нибудь, за одну примерку. Ну а уж шить пусть отдадут в швейную мастерскую. Она – продавец и закройщик.

– Ах, ах, – говорят товарки, – не зря, значит, она форсунья с детства. Свою профессию с детства прочувствовала.

– Выходит так, – говорит бабушка. – А Рита тоже в Москве работает. Но ей приходится семь остановок ехать и ещё одну пересадку в метро делать. Там она в одном умном институте молодых людей к военной подготовке готовит. Они у нее стометровку бегают на время, и она их муштрует, как завтрашних солдат.

– А внучку-то не жаль? – спрашивают товарки.

– А что жалеть?

– Ну мать-то долго не приезжает.

– Да нет, она со мной здесь. Туда и не просится. Там же ведь в самом центре. Весь Кремль видно и всё секции, секции – и справа, и слева, и сверху, и снизу – всё люди живут. Как в улье.

– А что ж они? Мешают, что ли?

– Да как сказать? Всяко бывает. Вроде как не мешают. Но какой-то зуд в организме. Лягу я у них на кушетку, а подо мной люди. Всё мне улей представляется. И каждый в нем жужжит: и машины, и мотоциклы. Ну а про фабрику, что из окон видна, я уж и не говорю. С утра до вечера, чуть ли не ночью гудит. Как так люди живут? И ловлю я себя на мысли сказать дочери: «Поеду я отсюда на свою Околоточную, ты уж меня не останавливай». И про внучку я думаю то же: пока ей в школу не идти, пусть она со мной здесь побегает. У нас здесь тихо. Если только мужики базланят, когда в пивной ларек пиво не привозят.

– Что ж, у нее всегда так будет – работа и дом порознь?

– Я тоже её спрашивала. Она говорит, что партийному человеку нельзя так ставить вопрос. Потому что куда партия пошлет – там и будешь работать. Нравится это или нет. Удобно это или нет. Выговаривает муж или нет. Она поступает так, как велит ей партия.

– У тебя, Дунь, молоко убежало.

– Ах ты, мать честная, – поправляя кашу на керосинке, говорит бабушка. – Но её начальник откровенничал, что его начальники любят по санаториям ездить, а потому всё там должно быть тщательно проверено, и ему некого туда послать, кроме нее. Так что покорнейше прошу вас (так и говорит) не отказываться от командировки. А совсем уж от себя (бабушка – шепотом) он говорил, что начальники любят танцевать по случаю сдачи санатория с баланса строителей на баланс эксплуатации, и Томе пришлось пообещать танцевать. Да-да, особенно вальс все любят.

Большая липа бросает тень на корыто бабушки, общий дворовый стол, плечо соседки, которая смотрит, как бабушка стирает.

На дереве два дупла. Одно дупло – как смешная рожица. Я смотрю, как на столе ходят солнечные лучи – туда-сюда и думаю, как хорошо у бабушки. А что эта соседка – никак осуждает тетеньку Валю? А для меня тетенька Валя – самая лучшая. Всегда влетает ослепительная, яркая, интересная. Все сразу оборачиваются и прекращают разговор, онемев – «Вот это да-а!» А тетенька Рита – душевная. Как только приедут голубцовские, обстоятельно расспросит каждого, поучаствует в разговоре, смешно поддакивая – «Ну да, ты пошла, пошла, а дальше-то что?», угостит, пригласит еще, даст городских гостинцев с собой. А мама – нет. Она не чувствует себя здесь родной, и я-то ей чудна, когда она приезжает из командировки. Она вся в работе, в своем ПИ-2, в сдаче крымских объектов. Молчит, смущается. Конечно, и я хороша, сразу начинаю капризничать и тут же выдаю ей свой перл: «А я бабушку люблю больше, чем тебя». Она молчит, смущается. Никогда не скажет мне грубого слова, всё в себе переживает, а я этим пользуюсь. Вот такая я бяка.

Почему я люблю у бабушки бывать? Здесь широко и просторно, здесь город напоминает некую усадьбу, в которой мы однажды были на экскурсии с мамой и папой. Или не на экскурсии, а в гостях у папиного друга, ну, там еще ученые живут и музыканты. Усадьбу, но только для простых людей.

Потом я иду с бабушкой обедать и сажусь делать свои первые уроки. Я рисую дом. А так как деревенского дома я никогда не видела, я рисую квадрат, на него ставлю треугольник, потом по указанию бабушки пририсовываю три окна и крыльцо. А дальше свободно фантазирую на тему бабушкиных рассказов про деревню. Рисую козу, которая зимой забралась на крышу деревенского дома – столько выпало в тот год снега, что она могла на нее забраться. А на другом рисунке – весна. Всё затопила талая вода, и деревенский дом тоже, и все вещи пришлось вытаскивать и относить на горку за деревней, чтоб не замокли. Рисую бабушку с двумя узлами в руках и горку с кучей вещей со всей деревни. И конечно, синюю воду, которая доходит аж до самых окон дома.

Потом в окнах бабушкиной квартиры темнеет и приходят две её дочери, внося в квартиру волнующий запах молодости.

Валя в отдельной комнате всегда одаривает меня богатствами, я это жду с нетерпением: костюмы и платья, которые трогать нельзя, рулоны ткани, которые трогать нельзя. Я конечно, не трогаю, жду минуты, когда тетка переоденется и достанет из чемодана драгоценности. Их она подарила мне, чтобы я только здесь играла и никуда не увозила.

– Приучайся запоминать, какие кусочки где лежат, как называются, какие нитки подойдут в тон или по контрасту. С иголкой только с семи лет, с ножницами тоже. А теперь посмотрим с тобой очень интересные картинки из женского журнала, привезенного, ну, хорошо – подаренного – мне аж из самого Парижу. Садись поудобней, я тебе достану этот журнал. Ах, как мне хочется сшить тебе что-нибудь фантазийное, а то как пойдешь ты в школу, да как дадут тебе форму, которая всё особенное в человеке затыкает. Но фантазийное приходит не сразу. И потом – ты должна хорошо учиться. Только отличницам такие подарки можно делать, не правда ли?

– Ах, вот вы где! – кричит бабушка. – А мы вас ждем ужинать! Пойдемте! Картошка уже на столе!

– Ну что же? Руки вымыла? – перехватывает инициативу Рита. – Да, вот так. Сначала пойди вымой, а потом сядешь. Будь культурной девочкой.

Я гляжу на себя в зеркало перед рукомойником. Конечно, плохо, что ни у одной из теток нет ребеночка. Ни большого, ни маленького. С маленьким я бы катала коляску. А с большим поиграла. Но с другой стороны – раз им некого любить, они любят меня. А это хорошо. Я люблю, когда меня все любят.

– Ни в коем случае никаких телевизоров! – говорит Рита после ужина. – Все на трассу! И нечего отпираться! В Петровском парке хорошая лыжня и везде фонари. Правда, не развалишься, форму надо соблюдать.

– А тетенька Валя не идет. Ей что? Можно?

– Тетенька Валя будет толстая и некрасивая, и её никто не будет любить. Ты этого хочешь?

– Что это вы против меня замышляете? – улыбается Валя.

– Наоборот, мы хотим пригласить тебя с нами на лыжи.

– А можно я с вами в воскресенье пойду? А то у меня много работы.

– Спроси у Кирюшки. Если она тебе разрешит, пойдешь в воскресенье.

Глава 13

Род Николаевых-Артамоновых

Советское государство подавило крестьянский род, хотя и не сразу. Еще бабушка Дуня, бессребреница, в бытность молодой матерью, уповала на какие-то высказывания Рыкова на Красной площади. А дедушка, по обычаям деревни, женившись, купил сруб для дома. Трое-тетие справляло свое детство играми в нем, надеясь, что скоро подведут фундамент, покроют крышей и можно будет жить семьей отдельно. Но он так и остался белым срубом на зеленой траве. И так это было обидно. Пришлось дедушке продать сруб и податься выживать город.

Род, узнав о его решении, это не одобрил. Род держался до бессмысленности за старое. Как же? Тут земля, тут дом. Как же это все бросить? Да земля-то и дом теперь не ваши, а колхозные! Это же нужно понять! Но никто понять не хотел. Его осудили, и он уехал один, с женой и детьми, убежденный в своей правоте. Недаром он служил прожекторщиком на военном корабле. А что такое прожекторщик? Это тот, кто должен высветить цель, которую потом орудия поразят. И он ее высветил и уехал в самое-самое время. В городе как раз богатые рванули за границу, тоже поняв, что для них здесь всё закончилось.

Приехав в город, он устроился в магазин электротоваров «Мюр и Мюрелиз» и пожаловался в профсоюзе, что ему негде жить.

– А занимай, где хочешь! – сказал председатель профсоюза.

И если в деревне не дали поставить свой дом, то в городе важно было не обольститься и заранее срубить жилплощадь себе по плечу. Много позже, после войны, когда наступило взрослое время троететия, а старая эпоха совершенно забылась, не было ни одного застолья взрослого «тутти», чтобы кто-то из троететия не вспомнил: «Ах, как же! Все дома были пустые! Чего ты не взял особняк Рябушинского с большой белой лестницей в сад, вазонами цветов и картинами во многих комнатах?»

У дедушки был шанс перехитрить судьбу, обмануть государство, которое было против крестьянского рода, и это ему удалось. На пятьдесят лет он свою жизнь и жизнь троететия, вплоть до замужества дочери, освободил от коммунальности. Зато как соберутся, по русскому советскому обычаю, и выпьют – обязательно вспоминают свои промахи. Мне кажется, это только у русских привычка негатив гнать за столом, вспоминать промахи. Евреи, наоборот, выпив, о своих добродетелях, об удачных делах всегда вспоминают, о позитиве жизни. Какие молодцы! Будто неясно, что последовало бы потом, возьми он такой особняк. Да миновали ли их точно репрессии? Нет. По одной версии – старший сын Вася, будучи призванным в армию, сказал свое мнение: «Троцкий – хороший русский оратор». Сказал в 1937 году, а через год его взяли. А по второй-то версии (тетеньки Вали) – на второй деревянный этаж въехал милиционер, позавидовал их хоромам, и дело сфабриковал.

Дедушка не искутился. Он взял прожиточный минимум на семью и тем обманул судьбу на пятьдесят лет вперед, и как впоследствии оказалось, – для всего рода. Походив по району,

дедушка выбрал трехкомнатную квартиру в доме золотарика, хотя я долго не понимала, что это значит. Рита смущенно улыбалась, ведь золотариками звали и тех, кто вывозил по ночам нечистоты, и ювелира, построившего этот дом.

Род не согласился с оценкой социальной ситуации дедушкой Иваном, но потом, поджавшись и поизвинявшись, как нитка в игольное ушко, прошел через его квартиру в город, оставив Староартамоново и подтвердил тем самым, что мнение прожекторщика дорогого стоит.

О троететии в детстве мне известно, что у старшей обнаружили порок сердца, и врачи просили родителей не перегружать девочку. Сама же она взяла рюкзак, положила туда кирпичей и лечила себя ходьбой с этими кирпичами. Про среднюю в семье остался бытовой оберег – «Не ешь сухомятки, а то будет, как у Риты. Она вот любила сухомятку – теперь у нее пониженная кислотность». О младшей, Вале, в анналах семьи сказано, что любила сидеть в бочке с холодной водой, и как её мать ни ругала – не вылезала из нее летом. С тех пор у неё почки пошаливают.

Трехкомнатная квартира на первом каменном этаже двухэтажного дома. Прихожая с покатым потолком – это нависает лестница на второй деревянный этаж. Здесь я все время оставляла коньки после катка, здесь у бабушки ведро с водой. Узкая комната – Васи, в ней теперь живет тетенька Валя. Зеленое пасхальное яйцо на комод у зеркала. Стопка пластинок с любимым Лещенко и главное – коробочки с пуговицами и кусочками материи. Три окна на улицу, на остановку автобуса, и крохотный палисадник с подсолнухами и пивным ларьком на углу. Одно окно кухонное – во двор, там по периметру идут сараи каждого, а в середине стоит деревянный стол с лавками. Если было лето и хорошая погода, бабушка всегда сидела за столом со своей хозяйственной работой – ягоды перебирать или стирала, вынеся для этого случая железное корыто, железную ребристую доску и кусок хозяйственного мыла. Наливала полкорыта воды, быстрыми и мелкими движениями взбивала пену. Мне нравилась ее улыбка, ее говор, ее общение со всем двором. Общение с завсегдаятами пивного ларька нравилось меньше. У ларька очередь только отоваривались, а распивать мужики, уже красные и улыбочивые, приходили к палисаднику, и бабушка всегда давала им стаканчик. Весной нравился праздник посадки подсолнухов в палисаднике. А зимой нравились долгие разговоры за столом, похожие на сказку, про то, как богатырь дедушка, сначала служивший на крейсере «Варяг» прожекторщиком, с революцией разобрался.

Был еще период, когда я часто гуляла там, перекатывала старые названия «Петровский парк, Нижняя Масловка», еще и еще раз вглядывалась в место, где стоял дом. Когда род отвернулся от меня, несогласный с моим мнением выбрать себе партнера по любви, подверг меня остракизму, лишил троететия и фотоальбомов рода, меня опять выручила семейная одиночка Кира. А один раз троететие разрешило детям приехать к Рите на Бауманскую в моем сопровождении, и я тут же, войдя, бросилась к своей бабушке Дуне, как католик бросается в церкви к стопам деревянной богородицы с мольбой: «Он говорит, что любит меня, но не может оставить своих детей и ту женщину, с которой прожил пятнадцать лет. Я тоже его люблю. Я не знаю, что делать?» И бабушка, одна из всей семьи, ободрила меня: «Поступай по сердцу».

Глава 14

Надо брать участок

Где бы я ни родилась (а это, конечно, Фасадная), с кем бы я ни жила – с командировочной мамой, с несочетаемым папой, со злыднями соседями или чуждой няней – дома я чувствовала себя только у бабушки, в Мишином переулке. В детсадовском возрасте все праздники, болезни, нежелание идти в детский сад я добеживала у бабушки на Околоточной. Но из школы на Околоточную каждый день не наездишься, и бабушка постарела, ей трудно все дни сидеть со мной, например, в летние каникулы. Поэтому у мамы встал вопрос, куда ребенка деть на

лето, если она командировочная. Первая мысль её была – отвезти в свою деревню, где она в 1930-х проводила лето. Отвезти в Голубцово – и всё. Они там все каникуляричили, и было нормально. Но когда она приехала со мной – никакой бабушки Матрены, отправляющей их к соседке за сковородкой, в живых не было. Ругающегося матом, вечно ходившего в баню по выходным дедушки Егора – то же самое. Осталась пыльная дорога и на ней сидел коклюшный мальчик. Никто его не лечил и подходить к нему было нельзя. Только тогда мама поняла, что та деревня 1930-х, куда они ездили, где в каждом доме было по десять-двенадцать человек, к 1950-м годам рухнула. Тут сидеть с её дочерью некому и гулять не с кем. Даже не заходя в дом, она развернулась и уехала. И наверное, всю обратную дорогу проплакала бы, если бы не её вымуштрованное пленными немцами общественное поведение – внутри рыдай, как хочешь, а снаружи, хоть каменная, а сиди без слез.

Ах, как жалко было русскую деревню, как жалко расставаться с этой идеей – где родители жили и я бегала школьным летом, так и дочь побегаёт. Но нет. Русская деревня Голубцово осталась в прошлом. Война, неурожай, необдуманная политика государства низложили её, и сейчас это развалина. Поэтому мама, приехав домой, переговорила с мужем Леонидом, разумеется, отчитавшись о поездке в деревню: «Видимо, нам надо пойти по другому пути: снять для дочери дачу. Мы на ней будем в четыре руки, по очереди сидеть».

Дачу сняли по совету сотрудницы по Белорусской дороге, в Голицыно, недалеко от дома творчества писателей. Но если деревня безвозвратно осталась в прошлом, то дача галопом неслась в будущее. Маме казалось – есть деревянный дом, перед ним лужайка и днем ребенок бегаёт по ней, играет в мяч, ловит бабочек, загорает, читает книжку. А вечером, хотя бы в воскресенье, на ней же, постелив одеяло, сидят взрослые. Откушивают, разговаривают, может и песни поют. А что? Разве у вас не так?

Оказалось совсем не так. Оказалось на подстриженную поляну нужно смотреть только эстетически. Как на феномен природы. Ни ходить, ни трогать, ни рвать цветы, ни ловить бабочек нельзя. А что можно? Оказывается, можно идти на прогулку. Никаких сборищ, компаний, откушиваний не разрешается. А также не разрешается много и громко говорить. Надо только слушать звуки природы. Ей, как матери, такая программа показалась едва ли не издевательством над ребенком и оскорблением самого понятия «летом снять дачу для себя и для ребенка». Правда, она не поверила и попробовала. Но её хватило только на два дня.

Вернувшись в Москву, мама начала думать о пионерском лагере в Аникоевке. От Мингео. Пришлось послать меня туда и уехать командировку. В пионерском лагере был другой бич – перенаселение. Ни на чем не сосредоточишься, не считаешь книгу, ты должен подчиниться некоему стихийному процессу, которым управляют нахрапистые и здоровые подростки средних классов, которым некуда деться и нечем заняться, кроме как отслеживать, вникать во все тонкости любви вожатых и гадко и грубо копировать это. Причем никаких внутренних позывов у них к этому нет. И ещё втягивать в это младших. То есть на вопрос нахрапистого подростка: «Кто тебе нравится?» ты не можешь ответить иначе, чем: «Мне нравится твой выбор» и выслушать всё о любви подростка к этому персонажу, часто недостижимому, потому что это всё тот же вожатый. Тогда ты друг. А если он тебе не нравится или вообще не нравится вся эта затея – тогда ты враг. От бесконечных подражательных любовей у меня разболелась голова. Ну хоть чем-то здесь можно заняться в спокойной обстановке? Оказалось – нет. Или ты так же, как все, влюбляешься и рассказываешь другому про это, или ты враг. Это первая проблема. Но была еще вторая: то ли я перекупалась, то ли ночью надуло – ведь спали-то в нетопленных бараках – разболелось ухо. Я еще перемогалась пару дней в надежде, что это пройдет, а когда не прошло, пришлось идти к врачихе и показывать ей подушку, которая была вся желтая, что-то всё время вытекало на нее из уха. Врачиха сначала хотела отмахнуться от меня, а потом ужаснулась, глядя на облитую гноем подушку, и в строгой форме поговорила по телефону с мамой:

– Приезжайте и забирайте или ребенок оглохнет, а я на себя ответственность лечить его не возьму.

Конечно, когда мама приехала, она была рада распрощаться с коллективным отдыхом, едва пригубив его. Мама, конечно, человек выдержанный, но и её эта ситуация поставила в тупик.

Как она ни прикидывала, выходило только одно: ей надо взять тот участок, который уже предлагал ей начальник и от которого она, будучи человеком командировочным, которому некогда заниматься строительством на личном участке, отказалась. С тяжелым сердцем мама все-таки пошла написать заявление и очень стыдилась, что обязывает начальника второй раз проговаривать и заботиться об этом.

Увидев её в своем кабинете, начальник обрадовался, неожиданно для нее, а заметив заявление и прочитав его, обрадовался дважды.

– Спасибо, что вы откликнулись на мое предложение. Теперь мне можно спокойно уходить с работы, ибо я хоть чем-то отблагодарил вас за вашу целомудренную любовь ко мне, за ваше теплое отношение. Да, я посылал вас (я уже это говорил) с проверкой к Рукову и ревновал, зная, что он не упустит возможность жениться на вас. Но теперь это всё позади. Раз родилась такая крошка, и вот она уже в первом классе? Да? Надо же! Приятно слышать! Я очень рад, что вы возьмете этот участок для нее. И не буду повторять сказанного в первый раз: семьдесят пятый километр – это всего лишь на два-три года. Дальше пойдет сотый и сто двадцать пятый. И люди будут брать. Так что идите и смело начинайте. Ради дочери. Ради её здорового будущего. А это так важно. Мне бы хотелось проститься с вами на такой высокой ноте и не занижать никакими бытовизмами наших высоких отношений. Заверяю вас – теперь я спокойно уйду на пенсию, раз вы согласились.

Мама ведь не хотела признать его платоническую любовь к ней и не хотела принять то, что он говорил, буянила и не соглашалась. Это он видел по её глазам. Но он отпускал её и прощался с ней, поэтому сказал при последней встрече то, чего и не говорил многие годы. И это было прекрасно. Ну, просто ария Гремина из «Евгения Онегина» Чайковского. Жаль, я была еще ребенком и не слышала этого. А так бы хотелось.

– Ну вот и хорошо, дочка моя, это единственное, что я смог сделать для тебя в жизни за все твои благодеяния, внимательность ко мне, безупречное исполнение всех работ и облегчение моей участи на посту начальника. И просто за твой румянец на щеках, за трогательность, за всё, что ты всегда вносила с собой сюда. За всё, за всё. И прощайте, дорогой друг. Мне будет не хватать вас. Ах, если бы годы не разделяли нас, ах, если бы я не был женат.

И у него было такое несчастное выражение лица, что она едва-едва не заплакала.

«Да, – признавалась мама позже по вечерам мне потом, когда мне было восемнадцать и я хотела замуж, – таких отношений уж нет на работе».

Мама тогда даже подумать не могла, что у всех трех сестер следующий общеродовой дом, возможность его получить и обустроить – пусть только на лето, на дачный сезон – будет как раз эта дача.

А ещё одна причина беготни того лета была в том, что очень плох был дедушка, который в мои пять лет гулял со мной за ручку по мартовским дорожкам вокруг своего дома на Околоточной, а я совала палочки в лужу, и он терпел, а теперь он лежит и не встает. При нем неотлучно бабушка и Валя в четыре руки. Рвут простыни и подкладывают под него. Бабушка плачет, Валя крепится.

Глава 15 Сарайчик

Сначала никто не знал, как и что строить на даче. Мама думала, что это никому не интересно будет, что никто ей не поможет строить, копать. А вышло совершенно иначе. Все вдруг обрадовались и наперебой стали выдвигать проекты, волноваться, узнавать, где это, прикидывать, какой нужен инструмент, кто поедет, где встречаться, до какой остановки ехать. Словом, тот стиль поведения, который пришел с Хрущевым и который назвали молодежным – для юных созданий, вдруг накрыл всех, хотя их юность давно прошла, после войны И они стали в этом стиле жить, общаться, активничать, даже мыслить: «Да. Не нужны нам деревни и дачные поселки. Мы сами, в чистом поле выстроим себе дачу. И не будем зависеть ни от крестьян, ни от барыг-дачников. Мы будем равными среди равных. На этом поле, где мы строим рядом с другими сотрудниками, и внутри семьи».

Они почувствовали себя еще относительно молодыми. Они еще успеют поставить этот родовой дом-дачу. И все копали, сажали, кашеварили, интересовались прогнозом погоды – смогут ли они поехать в эту субботу-воскресенье или нет, трудились, забывая про усталость, про другие дела. И присказкой было: «Ну еще немножко поделаем, тогда отдохнем». Словом, все почувствовали себя одной большой семьей, объединенной одной большой целью – построить.

Неожиданно на один день без ночевки приехала бабушка – посмотреть участок, как разровняли землю, наделали грядок и поставили временную, веревочную, на кольшках, изгородку. Подытожила: новое место, известное дело, – взрослым новые дела, а детям – новая игра.

Сначала ведь не разрешали на участках дома ставить, можно было только сарайчик под инвентарь построить. Мама сбегала в деревню, договорилась с тамошними мужиками. Но утром строить пришел один Вася с Проклова.

– А где же Сашок с Воронова? – спрашивали его.

– Да с крыши упал.

– Ах, бедный! – сказала бабушка.

– Да... работал, все нормально было, и вдруг упал. Вот как вы сейчас. Стоял рядом, только я за гвоздем отвернулся – упал, – проговорил Вася, копая ямку под столб.

– Боже, страсти-то какие! А я думала, может, вы в колхозе-то работаете, так вас не отпускают? Смотрю – нет вас и нет.

– Нет, в колхозе мы не работаем, в колхозе летом без выходных. Так что колхозником ничего не подработаешь. Мы на железной дороге числимся в смену. Летом по дачам много работы, только успевай. А он, вишь, упал. Теперь мне одному на фундаменте париться.

– Ну хорошо, начинайте вот здесь, – указала мама место как раз напротив сарая соседа, рассорившегося с ней из-за дуба. А про себя: «Как он ко мне задом, так и я к нему». И тут же заспорила с деревенским Васей как профессионал по фундаменту.

– Фундамент на сарай вовсе и не нужен! Если на камешках с речки поставить – вполне нормально будет, – говорил Вася.

А маме хотелось всё по науке, как ее учили в институте и как она у себя на работе всегда делала.

– Нет, роите траншею и будем на кирпич столбы ставить.

– Да низко тут, хоть и не болото, как бы не выперло их обратно.

Но мама была непреклонной – ставьте на фундамент.

Вася с Проклова снял кепку, почесал затылок, хотел что-то возразить еще раз, но потом передумал, поплевал на руки и начал копать ямы. Сначала молча и зло, потом как бы беседуя с самим собой: «Нашел время, когда с крыши падать. Самый сезон, каждые руки на вес золота,

а он с крыши удумал сигануть». А потом продолжил почти матом: «Небось, как деньги делить – скажет поровну давай, а как ямы под фундамент копать да столбы ставить – я один, а он придет – тюк-тюк досочки на обшивке и готово дело. Нет, ты вот с моё тут поковыряйся, а тогда и дели».

Через два дня утром, когда Вася из Проклова ставил стропила для крыши, пришел отвалявшийся дома, как он радостно сообщил, Сашок из Воронова, с опухшей и побитой физиономией. Встроившись в работу и в словесные неудовольствия, он стал налаживать ту самую крышу сначала досками, а потом шифером.

– Человек упал, ему бы еще полежать, оклематься полностью, а его крыши заставляют крыть, – вслух жалел себя Сашок из Воронова. – Самому бы так, – говорил он, не глядя на Васю из Проклова, но как бы обращаясь к нему исподволь.

На это Вася из Проклова, который подавал ему щиты шифера снизу, не соглашался и выдал тайну: «Сам пережрал, сам бултыхнулся, я тут один колупайся, а он еще и недоволен». А потом то же, но с матом.

Мама или тетенька Рита уводили меня, чтобы я не слушала и не изучала русскую речь. Уводили меня в лес за грибами или читать книжки, которые были написаны другой русской речью, уводили на всё время, пока мужики работали на участке.

– Бабушка, а чего мы так часто с участка стали уходить?

– Это потому, девочка, что мы за лето должны пройти все внеклассное чтение ко второму классу.

– Ну, павильон пива Тамара построила, – острил Сева.

А мама молча посадила ночные фиалки около сарая, внеся свою лепту участия. Эти ее цветы дивно распускались только к вечеру, скромно источая свой тонкий и непритязательный аромат. А мне с бабушкой по окончании работ достались три больших и широких, как боярские полаты, ступени и квадратный подиум, на чем настояла мама. Бабушка ставила туда свои работы, а я рядом с ней – свои игрушки. А дом, когда все-таки разрешили, ставили другие.

– А что с Васей и Сашком случилось? – спрашивала я.

– А сгорели, – невозмутимо отвечала бабушка, – один, слышно, перепил зимой, не рассчитал, вишь, своих сил и не дошел до дома, замерз в поле, а другого за тунейдство посадили, ни на какой железной дороге он не работал, так просто говорил, да там в тюрьме и сгинул.

А осенью к нам приехала из города бригада молодых и норовистых мужчин, не нуждающихся ни в каких контактах ни с деревней, ни с обнаружившимися умельцами с участков. А были и такие. Домкрат, лопаты, пилы, веревки – всё притащили собой из города и поставили деревянный дом четыре на восемь. Это тогда называлось «строить хозспособом».

Летом на дачу мы вывезли с Околоточной кошку. Но кошка не захотела жить в чужом, незнакомом месте и пропала. Может быть, она хотела жить только там, где нарожала все свои поколения котят и где её родила мать? Никто не знал, что с ней случилось – заплутала или попала под машину или еще как. Но со следующего года мои слезы по поводу кошки были вытерты: бабушка принесла нового котеночка. И так делала каждое лето. А когда я спрашивала, куда он девается осенью, всегда отвечала: «А к деревенским прибился, ты об этом не заботься». Некоторое время я упрямялась и жалостливо думала об очередном котенке, но потом наступала осень, меня увозили в город до следующей весны, и мне некогда было думать об этом.

Глава 16

Дачная дружба

Когда был поставлен дом, если не было Риты, я занимала чердак. Он имел два окна в разные стороны, как капитанский мостик. И так славно было смотреть в грозу далеко-далеко на садовые участки, когда и кусты и деревья, как волны, подчиняются стихии грозы, а ты стоишь

один у окна и представляешь себя на борту мачтовика капитаном, ну и так далее, а дом от напора ветра поскрипывает, как поскрипывают мачты на корабле, и ты встречаешь грозу с открытым забралом, бесстрашно, чтобы сразиться с ней или просто выдержать ее, смотря в окно, как она тут, за стеклом, сердится и бесчинствует. Словом, только случайность рождения девочкой не позволила мне пройти школу юнг в этом возрасте.

Потом вдруг нашли на меня хандра и капризность. Мама обеспокоилась – скажи, что с тобой, не молчи! Возможно, это циклон налетел или долго не было солнца.

– Скучно, говорю.

– Ой, скучно ей! – бабушка попыталась подбодрить, подтрунивая, но я не сдавалась. Я настаивала на своем – скучно.

– Ну, ладно, завтра поведу тебя сдруживать, – сказала мама за ужином. – Я хотела тебя предупредить: в дружбе надо быть ровным и не поддаваться колебаниям настроения, ведь если у друга часто портится настроение или он капризничает без причин, то с таким другом тяжело дружить, такой друг очень утомляет.

Мама повела меня по садовому товариществу сдруживать, как она говорила, с другими девочками. Ведь все товарищество – это городское ПИ-2 на пленэре. Приятно маме заходить на участок, как будто в другой отдел своего же института, и мне приятно слышать, как мама спрашивает: «У вас нет маленькой девочки или маленького мальчика лет семи – восьми? Мне свою дочку надо сдружить с другими детьми». Приятно и волнительно ощущать, что вот сейчас, по просьбе твоей мамы тебе дадут дружбу. Интересно, какая она будет? Я бы хотела, чтобы подруга мне, прежде всего, понравилась. Не знаю, как иначе сказать. А если мне не понравится, то как бы обе мамы елейно ни улыбались нам двоим, как бы по-детски умильно ни сюсюкали, все равно ничего не выйдет. Я это по себе чувствую. Но действительность превзошла самые смелые мои ожидания. После этих походов мне в подружки достались две сестры Имнашвили, резвые и энергичные девочки спортивного типа, с которыми я лазила по березам, и Наташа Таль, крупная вдумчивая девочка, любящая книжки.

Дачная дружба совсем не походит на дружбу в городе. В городе ты перегружен уроками и занят школьным расписанием, а также постоянными ристалищами друг с другом, даже с подругой за отметку, за выполнение работы. Момент собственно дружбы в городе очень мал, а на даче мы предоставлены сами себе, своей симпатии друг к другу, обговариванию своих характеров, рассказам о своих представлениях и мечтах. Дружба тут явлена максимально. Короче, чтобы друг подходил тебе и в школе, и дома, нужно, чтобы он разделял бы твои мечты и чтобы смешливость была на уровне. Вот тогда это настоящий городской друг. А в дачной жизни этого почти ничего не нужно или ты не задумываешься об этом. Природа, которая, совершает свой круглогодичный круг, вбирает тебя в свою неотвратимую процессуальность, и ты ни о чем уже не думаешь, кроме игры и кроме того, что на детском уровне называется «подходит или не подходит». Вот Имнашвили – живые, дерзкие, большие выдумщицы в играх, с ними мы протянули телефон от дачи к даче. Оказывается, если идти до их дома, то это сначала по нашей просеке, потом – по главной улице. А если забраться на чердак, то наискосок они почти стоят рядом. Протягивается нитка, с двух сторон привязывается спиченка и закладывается в пустые спичечные коробки. И когда с той стороны дергают нитку, и крутят, то с этой стороны раздаётся в коробке шорох и треск. Для нас – полное впечатление личного домашнего телефона.

– Алле! – говорю я, беря коробок и делая вид, что слышу ответы на свои вопросы. – Это квартира Имнашвили, да? Я не ошиблась? Полезем мы сегодня на березы?

Это хорошо делать в буйном июне и знойном июле. А также лазить по всем деревьям садовых участков, на которые можно залезть, а это – березы вокруг спортивных полей и деревья защиты железной дороги. Мне нравится в Имнашвили их бешеный позитив в жизни, недавно старшая сестра ходит в городе на фигурное катание и ее сняли в форме фигуристки на обложку журнала «Огонек».

А с Наташей Таль хорошо разговаривать о книжках в прохладном августе. Наташа человек серьезный и содержательный.

– Ты читала книгу «Занимательная биология»? – спрашивает меня Наташа. – Сейчас по всем-всем школьным предметам выпущены популярные книги. Я купила себе «Занимательную биологию». Возможно, когда вырасту, я пойду учиться на врача.

У Имнашвили в самый разгар нашей дружбы папу разбил паралич. И мама Имнашвили плакала – я одна с двумя детьми на руках осталась. Она боялась, что ей одной дачу не поднять и что участок отберут. В то время обязательно нужно было столько-то кустов смородины, столько-то крыжовника посадить, а если ничего не посажено, то как бы ты зря его занимаешь, и его могут отобрать и передать другим. Мама с папой поддерживали ее, привезли машину торфа, уговаривали не бросать. Папа сказал, что недостающие кусты можно просто веточками ткнуть. «Проверяющие ведь не будут узнавать, есть у них корни или нет. Пройдут, посмотрят, посчитают, да и уйдут. Что вы так убиваетесь, из каждого положения есть выход. И из этого тоже». Так что участок за Имнашвили остался.

У Наташи Таль, когда не разрешали ставить дома, стоял, как у всех, сарайчик. А когда разрешили строить на участках, многие сломали сарайчики и на их месте поставили дома. Или как у нас – рядом с сарайчиком ставили дом. А у Талей не было средств ставить дом. Они с трех сторон пристроили терраски к своему сарайчику и звали свой новоиспеченный домик Черепухой Тортиллой.

Такая насыщенная и разнообразная дружба сделала меня дома невнимательной, и я почти полностью пропустила следующий самостоятельный, то есть без соседей, период взаимоотношений папы с мамой и окончание так и не заладившейся любви тетеньки Риты и дяди Севы.

После своих огородных подвигов папа полагал, наверно, что может перейти на даче к большому мужскому делу – вставлению верандных окон, которые как раз мама привезла на участок, но вставить не успела – поехала в командировку. Когда же мама вернулась и увидела, как папа вставил верандные окна, то ужасно рассердилась, собственноручно выдернула их с мясом из проемов и демонстративно переделала по своему усмотрению, не слушая никаких аргументов, говоря: «Мне так не нужно, я сказала, что вставлю это сама».

Папа очень долго пытался ее урезонить – и за ужином в тот же день, и в следующие дни, полагая, что это какой-то нелепый случай, но мама была непреклонна и следующие действия папы в этом направлении, как интеллигентного человека, были уже мыслительные. «Раз она мне не уступила – о каком большом мужском деле здесь, на даче, можно еще говорить?» Он жаловался, сердился, сетовал и начал думать о том, где бы ему это большое мужское дело взять. Ведь мужчине без большого мужского дела в жизни нельзя. Он продолжал свои мыслительные действия уже в городе, в комнате на Фасадной, глядя по привычке в окно на кремль Смоленской площади, стройность, величие и основательность которого его всегда успокаивали, а на старости лет и тем более. Долго он думал и понял, что нет у него теперь другого места, кроме гаража. Дома не развернешься – соседи, на даче – жена – Наполеон, и остается ему идти в гараж и там организовать свое большое мужское дело.

Глава 17

Выходные на даче

Рита и Сева всегда приходили на участок в субботу, позже всех, когда уже все сидели за столом на улице. Приходили по-военному сурово и молча, поднимались в дом на второй этаж, где было Ритино место и где она ему быстро делала болтушку из дрожжей и он залпом выпивал её, давясь и выслушивая её змеиное шипение, по-солдатски зная про себя – так нужно. Через некоторое время к семье выходил улыбающийся и благодушный мужчина, галантно пристра-

ивался за столом к бабушке и очень по-актерски, что меня потрясло, начинал объясняться бабушке в любви:

– Мама, мамуля! – говорил он с вызовом, как бы даже внутренне рыдая, – как я вас люблю!

После предосудительной и всегда некстати сцены Риты, вытаскивающей почти неменяемого Севу, и потом благостного и чрезмерно сердечного его выхода к бабушке следовала вторая сцена, которая, по мысли Вали, должна быть первой. Потому что она – звезда, ей на роду написано быть первой, а сестреночка перебивает её звездность в семье, и это нехорошо. На это она будет обижаться, но сцену свою не пропустит. Да, она на сцене. Её выход: небрежным тоном, за столом, как бы между прочим, имея в виду дачу, она произносила: «Можно быть рабом дачи, а можно, чтобы она работала на тебя. Либо ты выщипываешь, чтоб ни одной травинки не было, чтоб пришел и сказал: «Этот сад – райский, этот сад для того, чтоб быть счастливым здесь, счастливым самим садом». А можно не делать ничего, как в Переделкино у писателей – трава, колючки!» При этом нос её натягивался втягиванием верхней губы. Не может же у звезды нос картошкой быть, хотя Михаил Чехов нос картошкой имел и ничего, большим актером был. Но она не соглашалась и всё подергивала нос, чтобы он был похож на римский.

– А вы откуда, милочка, про Переделкино знаете? – спрашивал её Сева.

– Я посещаю вечера ВТО, – скромно отвечала она и картинно пересаживалась во вторую свою излюбленную позу. Её сначала в итальянском кино показывали, а потом она в советское перекочевала – ноги обнажены до колен, но все-все окружены юбкой. Для этого, правда, нужно было сесть ниже, и она, как бы по причине того, что ей надо бросить вилку в таз для мытья посуды, вставала со своего стула, бросала вилку, а вернувшись, садилась уже на приступочку к недостроенной террасе. Эротично и целомудренно одновременно. И оттуда, как бы из некоего импровизированного далека, она частично повторяла свой вывод: «Да, можно только или работать на участок или чтобы он работал на тебя. И я выбираю второе».

И тут же, враз наскучив чужими партнерами, резко вставала и шла прогуливаться по участку, представляя себя звездой некоей фотосессии. Потом, насладившись этим и всё так же одна, она мало-помалу переходила к приятным и позитивным для себя воспоминаниям о начальной даче, когда был семейный бум, психологический прорыв, когда это был не просто участок старшей сестры, но казалось, едва ли не союзная целина 1956 года. На отдельно взятом участке. Когда нужны были руки, каждый был наперечет, и ты чувствовал себя целинником. Все рубили самосев, жгли его, обносили забором свои восемь соток, спали вповалку на шкуре сибирского медведя, что привез в качестве приданого Леонид и, лежа мечтали под звездами ночью о простом и главном счастье дачника – надежной крыше. Загадывали будущее по падающим звездам, жили все как одна семья, как раньше, почти как в детстве.

Но вот дом выстроили. Второй этаж заняла Рита с Севой, на первом – племянница и стареющая мать. И стало ясно, что одинокой звезде здесь места не придумано. И чтобы не признаваться себе в этом, она уехала отсюда. И бывала здесь только на днях рождений или посидеть с матерью в очередь с сестрами, что будет попозже.

Так она сделала и сейчас. Не объявив никому и только кивнув чуткой Рите, исчезла, твердо и обидчиво повторяя всю электричку до города: «Я звезда, я звезда, я хочу быть в городе и блистать. И не надо запихивать меня ни на какую семейную дачу!».

Вторым действием был, конечно, разговор Севы со мной за столом. Оставив бабушку Дуню в покое, он приставал ко мне почему-то всегда с эсхатологическими разговорами.

– Да, – начинал он, сладостно уравновесив себя выпитым и чувствуя в себе наконец-то некую гармонию, – счастлива ты в детстве, что у тебя три мамы. Каждое воскресенье три подарка. А каково-то будет на старости? За троими-то ухаживать и троих-то провожать? Что это будет? Лазарет!

Я не понимала ход его мыслей и уворачивалась. Мне было неприятно. А он не отставал:

– А вот загадка: где на земле вечная осень? Скажи! Не знаешь? А такая земля есть и зовется она Исландия. Да, слабовата ты в географии, слабовата...

И загадки его мне не нравились. Чего он добивается? Я и так в городе без матери сижу в тоске и одиночестве и не хочу про осень слушать. Правда, никто не знал, что это последние его умственные всплески, что дальше хуже будет.

– Ну чего пристал к девчонке? – грубила ему Рита.

– А что? Я ничего, я образовываю её, молодежь ведь образовать нужно! – виновато, но и куражась, говорил он.

– Иди, иди, без сопливых, педагог нашелся.

Он уходил, не очень уверенной походкой, к папе, который нечасто бывал на даче, но всё-таки сегодня приехал, и они с папой садились за партию в шахматы.

Папа человек до пятнадцати лет для меня непонятный. В пять моих лет папа оспаривал мои мультфильмы, когда я на праздник хотела их посмотреть, а он хотел футбол, говоря: «Мультфильмы еще повторят, а футбол – нет». То есть, как я теперь понимаю, он учил меня мыслить, а я хотела праздника. Все женщины дома внушали ему – «Уступи ребенку». Тогда он обиделся и уехал на Фасадную. А я торжествовала. Но мне же было пять лет. А потом приходит Сева и говорит: «Чего ты отца обижаешь?» А мне это было неприятно. Я победила, за меня женщины, я не хотела ничего знать. И Севу, его защитника, не хотела, и папу не хотела. Хотела праздника. Как он не понимает? На праздник я хотела праздника, и при чем тут футбол, при чем тут Сева?

В десять лет папа был скорее неприятный, потому что он был как бы заодно с Севой. Непонятно, почему папа решил: если его комната в городе, то это его комната, его жены и дочери, а следовательно дача его жены – это его дача, его жены, его дочери. Вкатил без жены две рамы, насадил помидоров целую грядку, черную рябину натыкал везде, голубые ёлки из питомника. Мама приехала и почувствовала себя оскорбленной. Как? Ей, строителю, указывают, как ей строить на собственной даче? Да еще тогда, когда она в командировке? Да это вообще подло – воспользоваться её отсутствием!

И его величество пересчеты внутри семьи показывают: общеродовой квартиры из трех сестер не получил никто. Получила Рита с матерью, когда уже за той нужен был уход. Никто не добился дачного участка, кроме Томи. На него вывозят бабушку на воздух летом. Понятно, что никто из членов семьи не мог действовать самостоятельно в таких условиях. Рита, которая отпахала зиму, должна была быть на даче на равных, то есть замещать Тому, когда она в командировке, и иметь две освещенные солнцем грядки перед окном.

Зато бабушка ни какие-то теории не влезала, а умела в начале строительства кашеварить, а когда началась дачная жизнь – о, счастье русской крестьянки! – и в третий раз просто и естественно войти в крестьянский календарь. После Голубцова и двора на Околоточной с тополем посередине она перешла к дачному участку старшей дочери, где встречалась и разговаривала каждый день с молочницей из соседней деревни Вороново, Про её коров, качество сена в этом году, про их жизнь, кто куда ездит из деревни работать, плюс три литра молока на поправку здоровья внучки – обязательно.

И меня удивляло, как мирно они сидят на лавочке. Неспешно так, по-крестьянски, разговаривают. И образ её остался, и слова остались в памяти: «Как ты себя ведешь! Что люди-то скажут?» – когда я по березам лазила и не хотела подарить тряпичную лису деревенской девочке. «Да, не играю ею, а отдать не хочу!» И вообще, я даже не догадывалась, что мама, чего бы там ни говорили мне, что дачу она завела для меня, на самом деле завела её и для бабушки. Вывозить её на воздух тоже было нужно. А тогда я считала, что дача исключительно для меня и я могу не отвечать на упреки бабушки. Несмотря на это, я больше дружила и общалась с бабушкой, чем с вечно командированной матерью.

А вообще я всё более и более ловила себя на мысли: «Да ну вас всех, взрослые, не до вас». У нас с подругами были дела лазать по деревьям, дачные игры, которые всех восхищали обычаем ходить в гости и самозабвенно играть у каждого на участке. Не сравнить с коммунальной квартирой, где ты сидишь на замке в комнате. Конечно, на дачах – «контингент», как взрослые говорят. Всё ПИ-2, только отделы разные. Опять же матери нас сдруживать ходили. Две мои подруги детства – оттуда. Имнашвили и Таль. В городе они далеко от меня, к ним не находишься. А тут – рядом. А в городе рядом только Генка. Фр-р!

С Имнашвили мы проволочный телефон устроили. С Наташей «Войну и мир» про любовь Наташи Р. читали. Да, всего было много.

Часть II

Самосознание и чувства

Глава I

Папина библиотека

Детство я провела у бабушки на Околоточной, что недалеко от Савеловской железной дороги, по которой можно было доехать до её родной деревни. Память об этом грела бабушку. А со школы я переехала на Фасадную, в центр города, и ближе узнала папу.

Когдаходишь в нашу комнату, сначала проходишь соседскую – бе-е-е! это Генке! – навстречу в опережающую большое окно, в котором на хорошем фокусном расстоянии стоит сталинский извод кремлевской башни – здание МИДа. Это всегда первое впечатление от нашей комнаты. А второе – мамин светлый с зеркалом шкаф слева. А на нем – походный чемодан папы и горн. А может, труба? Точного названия этой штуки я не знала, а употребления и тем более, пока из Сибири спустя несколько лет к нам не приехал товарищ юности отца. Рожок была его фамилия. Они сначала разговаривали между собой о таких вещах, о каких про папу я не знала. Не думала даже и не гадала, как говорит бабушка. Оказывается, папа-то мой – когда-то взаправду был маленьким. А я думала, что он подыгрывает мне, так говоря. А вот этот самый Рожок помнил, что папа был маленький, и они опять начали вспоминать про всё сразу, бурно, то задерживаясь надолго на одной теме, то пробегая её скороговоркой. Но всё-таки, как я поняла позже, они останавливались на двух болезненных темах: гибель папиного брата в Первую мировую и первый брак папы.

У папы была большая библиотека. В безупречном книжном шкафу за стеклянными дверцами стояла классическая литература. Конечно, там была «Война и мир». И после летних каникул, придя из школы, я продолжила разыскания про Наташу Ростову самостоятельно. Я увидела, что, оказывается, после подростковой, ни к чему не приведшей любви к Борису, идет жуткий – не устоять! – соблазн её Анатодем Куракиным, хлыщем и ловеласом. Все видят это, а Наташа этого не видит. И так боязно, что вот-вот она может уронить себя по наивности. И если бы не Пьер, наипреданнейший друг, – ах, какой молодец! – я даже не знаю, что бы с ней могло быть. От нее отвернулись бы все люди.

А современных книжек у папы не было ни одной. Кроме, как я уже упоминала, журнала «Америка», из которого я – ну, маленькая была – выдернула последнюю страницу с бабочками.

А у моей любимой подружки Кутиной, наоборот, классики не было, а была сплошь современная литература, которая валялась у нее на письменной столе, а также был шкаф (ну как же – мама – продавец «Гастронома»!) с современным отодвигаемым стеклом, темной полировки и в нем оранжево алыми двадцать томов «Библиотеки пионера», папины (инженер завода) тома «ЖЗЛ» и «Пламенные революционеры». Мама, не имея образования и влюбившись в инженера, очень хотела дать детям современное образование и возможности её, как продавца «Гастронома», были незаурядными. Вся подписка на «Библиотеку пионера» – тогда это было фантастически!

Может быть, эти книги и были однообразны, но я брала их у подружки и читала все подряд и никакого однообразия не замечала, поскольку проблема, поднимаемая в них, меня, если честно, очень волновала. Наоборот, я была рада, что и в следующей книге с другими героями, и в следующей с третьими героями, проблема повторялась, а значит, она не случайна, не надуманна, значит, многие с ней встречались и как-то для себя её решали.

«А что если и мне придется эту проблему решать?» – думала я, глядя в окно на острые шпили по бокам высотки. Вот если, например, ты готовишься к большому общественно-политическому поприщу и уже в школе прочерчиваешь себе путь ответработника и если, допустим, твои родители – папа и мама – не разделят решение нашей партии? Партия с тобой с самого детства в лице энергичного Никиты Сергеевича на портретах в детском саду и школе. Как он умел заразительно говорить и, безусловно, искренне – улыбаться! Верилось, да, верилось, – через двадцать лет мы будем жить в светлом будущем. И вот мои родители, например, не разделят этих долгожданных решений. Что мне делать, если спросят, на общекомсомольском собрании при вступлении в комсомол? Надо ли мне промолчать на собрании или выступить против них?

Головой я понимала, что да, надо будет отступить от родителей. А сердце говорило: «Жалко, особенно маму». Вдруг её домой за это не пустят? Ведь раньше, говорят, не пускали. Как же быть? Выходит, она не приедет из командировки, я не встречу её, не сяду к ней на колени, как маленькая, и не буду долго-долго, целый вечер, говорить с ней, закрывшись наглухо от соседей и не зажигая света? Полумрак стушевывает разницу лет и разницу опыта, и можно говорить почти как подруги, и это волнительно и приятно, что мама – моя подруга.

И я чувствовала, что то ясное и стройное, что говорилось в школе – «Вы все пионеры и все Павлики Морозовы наших дней», чему я была готова следовать в школе, обрастало личными деталями и какими-то оговоркам дома, всё у меня в голове путалось, и я не знала, на что решиться.

А татарин Вагиф в восьмом классе на собрании высказал другую точку зрения. Он считал это доношением на родителей: «Если бы я донес, их бы упекли, и мы бы не выжили. Нам пришлось бежать из своей деревни, и мы прибежали в город, а если бы не сбежали – не выжили бы».

Я никогда не ходила в «Гастроном» – бесцеремонный, нахрапистый, громкоголосый приезжий народ скупал всё подряд – и с удивлением воззрилась на Вагифа. Оказывается, и у него была своя логика жизни.

Глава 2

Политические новости

Я встретила с папой в первый раз сущностно, когда мне исполнилось десять лет, через консьержку, она же сторожиха подъезда. А во второй раз – в пятнадцать лет, перед его смертью.

В школе я любила Ленина и Хрущева, последнего любила за Фиделя, который приезжал к нам в страну в 1960 году. Общественный восторг и подъем чувствовался нами и в школе. Партия заверяла свободолюбивый кубинский народ, а мы – партию, что будем учиться еще лучше. Это перед вступлением в пионеры. И я верила истово и старалась писать без помарок, переписывая страницу набело по шесть-восемь раз.

А сегодня, выйдя из лифта и намереваясь пропрыгать шесть ступенек до двери, я была остановлена консьержкой и сторожихой подъезда – всё в одном лице. Со мной на темы судьбы еще никто в жизни не разговаривал, а она вдруг спросила, как бы по-родственному:

– Ты что, разве не знаешь, что твоего папу уволили в связи со снятием с работы Хрущева?

И это прозвучало как – «Вас никто не выселяет, но вы уже в обузу министерству и нашему дому».

Я опрометью вылетела из парадной двери. Вот еще новости – в семейные дела лезть. Но на улице, идя в школу, я поняла, что я действительно ничего не знала. Правда, папа теперь дома, а я-то думала, что он в отпуске. Ходит только за рыбой в свою Краснопресненскую высотку, надел фартук, уж не знаю зачем. Может быть, мама его ругала за то, я сижу голодная, приходя из школы? Зато теперь он каждый день наваривает большую коричневую кастрюлю щей и кормит меня.

Но когда я подошла к школе – всё вылетело у меня из головы. Учителя призывали быть верными коммунистической партии, и мы давали клятву хорошо учиться. В школе как раз шла компания собирать металлоломом и макулатуру. Причем макулатура для объяснения сегодняшних политических событий ничего не давала. Ты знаешь, где её взять, куда сходить по квартирам. Газеты попадались свежие, с информационными сообщениями – «За волонтаризм снять с работы...» и старые – с портретами во всех видах: вот Хрущев с Гагариным, вот Хрущев в Америке, вот с кукурузой, вот громит художников за ненародное искусство. А металлолом много давал для понимания политической жизни, потому что его мы искали по дворам, а там царило мнение бабушек и пенсионеров на лавочках:

Вот он громил десять лет назад Сталина, вот и мало ему, хорошо, что его спихнули. Ишь, чего захотел! Сталина из Мавзолея выкинуть, чтоб самому потом туда лечь. Вот ему!

Двор не церемонился в выражениях и показывал в сторону Кремля большой кукиш.

Потом мы тащили рельсу из этих дворов к школе. Подземного перехода через Садовое кольцо еще не было. Весь школьный двор был разбит на участки – для каждого класса. Кто больше кучу принесет, тот и победит. И мы хотели победить, но не победили, конечно. Победили старшекласники.

Когда я пришла домой, мы с мамой продолжили кампанию свержения кумиров с бумагой и карандашом в руках. Доказывали папе нецелесообразность курения. Столько денег ты тратишь зря: двенадцать копеек пачка «Любительских» да умножь на все дни месяца – получается кругленькая сумма. Мог бы себе конфет на эти деньги купить. Что-то он последнее время особенно курить взялся.

Глава 3

Моя любимая Кутина

По квартирным обстоятельствам детство мое до школы я прожила у бабушки на «Динамо». Старый, еще живой, дачный район города. Квартира на Фасадной была двухкомнатной и коммунальной. В одной – маленькой комнате – жили мои родители – два больших начальника больших московских учреждений – и я с ними. А во второй – люди совершенно нам социально чуждые – уборщица в домоуправлении и шофер.

Правда, шофер ухитрился возить самого главного начальника папиного учреждения, а это в социальном смысле опять переворачивало с ног на голову претензии той семьи. Раз я вожу главного – то я и в квартире хозяин. А если ты только начальник планового отдела, то будь мне в квартире подчиненным, а иначе я тебе такую бучу устрою, что тебя и с работы-то попрут. Мой начальник мне так и говорит: «Я любого своего чиновника попру, а тебя, Осип, ни на кого не променяю». Да и жена моя – уборщица не где-то там, в больнице, магазине, а в домоуправлении нашем, так что видит начальство домоуправления каждый день, и чистую тряпочку перед их дверью кладет. Как же её не выслушать при случае? Как же ей не порадеть? А то ведь знаете, какие уборщицы попадают? Начальство уж отработало, а они только на работу идут. Корзина, полная бумаг, так и стоит весь день.

Ну и поскольку папа с мамой позже въехали в свою комнату, когда соседи уже обосновались в квартире, подчиненное положение так и осталось за нашей семьей. К тому же две их девочки-подростки и мальчик – последний избалованный Генка – заплоняли коридор своим присутствием полностью.

Папа – очень опытный человек там у себя, в Сибири, приехав в Москву переводом, остерегался делать решительные заявления соседям. А мама была из вечно командированных и дома часто отсутствовала. А когда приезжала на два-три дня, ей срочно нужно было всё подытожить по командировке (это она делала на общей кухне ночью), а также всё наготовить хотя

бы на неделю вперед, и обязательно натереть паркетные полы в коридоре. Всё это делала она за три ночи, чтобы не связываться с соседями.

Такое поведение матери очень сердило их. Мы тут спим, а нам тут что-то ворочают, и покурить даже нельзя выйти. Но это не всё. Когда отец уходил на работу, а мать была в командировке, соседка пеняла мне, первокласснице:

– Ну допустим, твой отец не может подмести пол по статусу, а мать твоя – вечно командировочная. Так засучай рукава ты! Бери веник в руки! Нечего очередь пропускать в уборке общей площади! Убирайся! А нет – если вы такие богатые да чванливые – нанимайте! Я вам не малайка, чтоб за вас тут убираться.

Я не знала, что ей ответить. У теток на «Динамо» никогда не было проблем с полами. Они сами управлялись с ними, а заодно и меня похваливали. А тут мать в командировке, отец на работе, а соседка всегда дома. Отбежит на пару часиков в домоуправление, и опять дома. Поставит большую кастрюлю на огонь и варит целый день суп. Как ни войдешь кухню – всё она сидит и суп варит. А дети – как галчата. Вечно голодные. Сколько она ни сварит – всё съедят. Ну, девчонки еще ничего. Пройдут мимо – и ладно. А Генка – то ущипнуть норовит, то локтем задеть. А то и вообще: «Ну что смотришь, зенки выпятила?» А с чего – непонятно. Я же ведь его не трогала.

И стало мне обидно в этой квартире. Почему это у всех детей братья и сестры, а я – одна? Вот взять «Динамо». Там теток – аж три и еще четвертая подъезжает на праздники. А тех, которые не подъезжают, и пересчитать-то невозможно. Только слышишь их имена от бабушки: «А вот такая-то тебе привет передавала! А-а-а, спасибо-спасибо!» И чего мне теперь с этим делать? Но не зря, видно, говорят, что я умом в папу. Я догадалась, что делать. Надо в школу идти. Там другие дети, там я подружусь с кем-нибудь. Поэтому в первый класс я пошла с большой охотой. Однако ожидания мои не оправдались. В классе я не встретила ни одной девочки и ни одного мальчика, с кем бы я хотела дружить. И так продолжалось весь год. Я даже уже стала отчаиваться, что никогда не найду себе подружки. Как вдруг во втором классе к нам пришла новенькая, и её посадили ко мне за парту. И мы тут же, в один день, так подружились, что проучились, ни разу не рассорившись. Мало того – подружили всю школу у них дома, где кроме нее были еще старшая сестра, младшая сестра и младший брат.

А главное, что было в их квартире – это атмосфера счастливой семьи, в которой можно было устраивать праздники хоть каждый день. С переодеваниями и беготней. Все залезали в шкаф и наряжались по вкусу в каких-нибудь героев, причем родители были рады такому здоровому озорству и изобретательности детей. У них была двухкомнатная квартира с коридором старого образца, а закут сдавали жильцу. Так что его занавеска на праздники была нашим занавесом.

Наши фантазии разыгрывались безостановочно, безо всякого неудовольствия со стороны соседей. О Боже! Какое это счастье – играть без окриков. Отец Оли имел представление о литературе и нам старался передать его, когда был в серьезном настроении.

– Вот вы сидите тут и не знаете, что рядом был старообрядческий храм, построенный на деньги лесосплава по Москве-реке. Здесь на берегу они вытаскивали бревна из воды, распиливали их, кололи, и тут же оптом продавали по всей Москве на обогрев зимой. И молились тут же, на Варгунихиной горе, в своем храме. А ещё приходили этапы осужденных женщин, их вели мимо нашего дома по Невольному переулку в женскую тюрьму. Теперь на этом месте стоит СЭВ.

Правда, он немножко выпивал, но жена ему это разрешала, поскольку он не терял головы, а она работала продавцом в винном отделе «Гастронома» и нуждалась в крепкой связи с грузчиком, и тогда он переквалифицировался из инженеров и перевелся к ней грузчиком.

Ну что сказать? Отдохнула я там душой. И жила нашими концертами. И нравились мне Олины родители. Не безгрешные. Она – продавщица в «Гастрономе», а он – человек, благо-

дарный женщине, которая поняла его душу. Немножко выпить, посидеть за ужином, немножко повеселиться с детьми – вот и вся жизнь. Остальное производство.

Дома я в себе вырабатывала такие качества: резко захлопывать дверь, нагло отрезать словесно. А здесь всегда втекала в меня радость и благоговение перед семейным счастьем. Как это много – отдельная квартира и большая семья. Всегда мне хотелось это сказать, даже не знаю кому, но кому-то хотелось.

И чего я одинокая такая – говорила я дома, а у них я говорила: «Надо же как мне подвезло с дружбой-то. И подруга у меня есть, и её братья и сестры – друзья по играм». Ну и конечно, когда мы стали учиться в старших классах, то и во власть мы принесли свои представления о дружбе: я была старостой, а она была комсоргом. И мы всех тянули на то, чтоб дружить всем классом и не ссорится, и не получать двоек, и соответствовать облику советского человека, который помогает друг другу, друг с другом вежливо живет и верит в нашу программу всю школу. Да, это были свежие штампы, но мы в них старались искренне верить.

Каждая в обязательном порядке пошла учиться дальше: я в университет, а она в какой-то технический. Конечно, времени уже мало было на дружбу, потерялись друг для друга в новой действительности. А встретились вновь уже мамами и замужними. К сожалению, у нее брак был неудачным. А мальчик её хорош от этого брака, и девочка хорошая от того же брака. А сам муж был приезжий. И как-то он не мог понять нашей с ней дружбы, её оптимизма, а всё сердился на нас и грозился развестись. Я тоже была несчастлива в браке. Правда, у меня было две девочки. И мой муж тоже сердился из-за нашей дружбы с ней и всё говорил, что он всем недоволен в браке. И я тоже развелась. А потом я вышла второй раз замуж и повезла второго мужа к первой своей подруге в гости. И она держалась стойко. Молодец. Не плакала, что подруга нашла себе партнера, а она пока нет. Всё рассказывала про своего первого мужа, который то появится, то исчезнет, то обнадесит, то расстроит. Поживет-поживет в Москве, а потом к себе уедет в провинцию. Он же ведь приезжий.

Но потом Кутина звонила – вроде бы ничего. Она с матерью съехалась, с детьми есть кому посидеть. Но, по-моему, ни к какому супружескому результату она не пришла. А потом дети, которых на общий круг у меня оказалось четверо, как большой дремучий лес, загородили мою школьную подругу, и она так и осталась где-то там, вдали, и я не знаю, что с ней.

Глава 4

Сочинение про дедушку

Когда я училась в четвертом классе, входит наша учительница, на ней белый воротничок – символ вечной молодости, и говорит:

– Ваши старшие товарищи сегодня будут писать сочинения на аттестат зрелости. Это очень серьезное и важное задание, к которому надо готовиться всю школьную жизнь. Поэтому мы сегодня, в нашем выпускном классе, на пробу должны написать тематический рассказ «Каким я помню своего дедушку».

– А можно бабушку? А то у меня дедушки нет, – спросили с места.

– Про бабушку мы писали в конце 3 класса сочинение «Как я провел летние каникулы у бабушки в деревне». Желательно теперь написать сочинение про дедушку, его профессиональную деятельность. Это другая и более трудная тема. Но конечно, если нет дедушки, пишете про бабушку, но всё же лучше про дедушку – он у нас по плану.

Я, придя домой, обрадовалась, что тема сочинения совпала с присутствием мамы в доме. Она у меня часто в отъезде, а сейчас она посадила меня перед собой и начала вспоминать про дедушку, а я наматывала на ус, а потом села и слово в слово записала всё за мамой, решив обязательно присовокупить к сочинению рисунки про деревню. Когда я писала про бабушку (она на Околоточной мне много рассказывала про деревню), я рисовала.

Вот мое сочинение:

«Мой дедушка был потомственным крестьянином Волоколамского района в деревне Голубцово. В молодости дедушка служил моряком-прожекторщиком на военном корабле на Балтийском море. Когда началась революция, он приехал с женой и детьми в Москву. Стал работать в электрическом магазине «Мюр и Мерилиз» в центре города. У него физика и математика хорошо шли. Он работал в магазине некоторое время, был на хорошем счету. И вдруг заходит в магазин дяденька, строго одетый, и, быстро показав удостоверение, спрашивает дедушку:

– Вы партийный?

– Нет, – отвечает дедушка, – но я, хотя и беспартийный – разделяю идеи большевиков.

Строгий дяденька говорит:

– Этого недостаточно. Если вы здесь работаете, то вам нужно вступить в партию. А тут всякие иностранцы ходят и могут вас завербовать. Беспартийного человека мы бессильны спасти от вербовки. А так партия вас защитит.

Дедушка говорит:

– Я хотел бы идеалы большевизма в душе носить, а не на бумаге фиксировать.

– Тогда вы путаете советскую власть с сандуновскими банями, – ответил ему строгий дяденька и исчез.

Возвращаясь домой, дедушка долго думал, что ему сказал строгий дяденька, а придя домой, начал разговаривать с соседями, спрашивая, что бы это могло значить? Ведь у меня хорошая зарплата в достойном магазине. Но все соседи, порознь, не сговариваясь друг с другом, сказали ему: «Если ты, Иван, не вступишь в партию, то свою хорошую зарплату в достойном магазине получишь в сибирском лесоповале в размере тюремной пайки». И дедушка написал заявление об уходе. Он подумал: не буду я судьбу искушать и еще раз встречаться с замысловатым дяденькой.

Пошел он за Белорусский вокзал и устроился там на второй часовой завод. Точно я, его внучка, не знаю кем, на что-то очень скромное и незаметное. Стушевался дедушка, себя больше не афишировал в обществе. Так и доработал до конца войны. Как раз и пенсионный возраст ему вышел, и он, как доверенное лицо завода, устроился сторожем на пустырях, что Моссовет работникам завода под картошку выделил для борьбы с послевоенным голодом. Сторожил там с мая месяца, когда её сажают, и по сентябрь, когда её выкапывали. Так рабочие завода сражались с голодом несколько лет подряд, а он летом в шалаше круглосуточно находился и охранял картошку от набегов пришлых людей. Потом к 1950-му что ли, году, с продовольствием улучшилось и участки аннулировали. И он уже сидел дома со мной, когда я болела или не хотела идти в садик. Мы с ним гуляли за ручку по нашей Околоточной улице, обычно от Академки и обратно.

«Вот последнее место твоей работы», – шутила бабушка.

А потом дедушка сильно ослаб и слег в кровать. И уже тетенька Валя с ним сидела и часто его перепеленывала. А потом он умер, и тетенька Валя кричала, что больше она ни со старым, ни с малым сидеть не будет, так она утомилась, сидя с дедушкой. Да, правда, говорят, у него была операция, а это больших сил от няни требует. Вот тетенька Валя и переутомилась».

Однако судьба, многие годы спустя, поправила мнение тетеньки Вали. Я уже взрослой выросла, а потом и моя первая дочка стала взрослой, и тетенька Валя много сидела с её Сережкой и гуляла с ним по бульвару в качестве родной, ещё моложавой бабушки, желая показать, как она молода, бодра, здорова и не возражает познакомиться с таким же бодрым и здоровым дедушкой из своего поколения для общения и времяпрепровождения.

Глава 5 «Невольный переулочек»

Мама – ответработник по строительству в размере всего Советского Союза – решила, что мое саморазвитие будет непременно городским и культурным. Поэтому, когда я была в старшей группе детского сада, в комнату было куплено пианино, а в первом классе я попробовала ходить в музыкальную школу, но у меня ничего не получилось. Тогда мама за свои деньги наняла какого-то невероятного (по знакомству, от сослуживца ПИ-2) учителя. И он так само-забвенно влюбил меня в музыку, что я воспряла и стала играть, как выражаются музыканты, «по соседям» – по вдохновению, свои фантазии, и то, что написано в нотах, и то, что не написано. И мне это даже начало нравиться. И мама была – по её глазам было видно – довольна. Как вдруг взбунтовались соседи и стали выговаривать маме на общей кухне:

– Это коммунальная квартира, а не зал Чайковского. И нечего тут музыками своими заниматься. На то есть музыкальная школа. Вот там пусть музыкой и занимается. А дома люди должны отдыхать. Мой муж – если вам не известно, то сообщаю – возит самого министра геологии товарища Смирнова. И если он не отдохнет как следует, то у него по дороге в министерство могут быть проблемы. А зачем ему это?

И Смирнов не будет на вашей стороне, можете не сомневаться, и вам не поздоровится. Прекращайте это немедленно! Я так не оставлю! Как будет начинать – я буду стучать кулаком в стену!

Но это не всё. Их младший – Генка – мне почти ровесник – подкарауливал меня в коридоре (коридор наш госпитальный, основательный, в нем есть где подкараулить) и исподтишка то пугал меня, то поливал водой, и всё ему сходило с рук. Начиналась моя новая – после бабушки с её тополем и двумя лавками приятельниц, самостоятельная одинокая жизнь. Там – три тетки, бабушка, её подруги, а здесь – противопоставленная нам семья. Мама и папа работают, а мама ещё и в командировки ездит, и мне приходилось либо сидеть, как в крепости в своей комнате, оставляя разбойникам-соседям, все остальные служебные помещения, либо выходить полностью вооруженной, как например, в школу – полностью одета и портфель в руках. При первом же слове – по голове противному Генке и бежать на выход. А что? Не надо мне ни ножки ставить, ни обливать, ни пугать. Получил? И мало! Я даже лифтом не буду пользоваться, так сбегу десять этажей. А ты – мочалка – всё равно не догонишь меня.

Мама разводила руками:

– Не знаю, что делать? Вроде бы пианино хорошо пошло. Но я догадалась, что делать – не отчаивайся, дочка!

Так точно, ответработник догадался, куда повести народ. Наш-то район на Фасадной – это старые ночлежки Москвы. С берега подгрести, подчистили и поставили сталинский ампи́р генералам да геологам в ряд с Трехгорной мануфактурой. Чуть дальше – женская тюрьма, дом нефти и газа, дом архитекторов, рядом – церковь, где Чехов расписывался со своей женой. Значит, там выбрасывали не только пустые бутылки из ночлежек в старых нетронутый дворах, но и кутила богема и выбрасывала наплевательски свои вещи.

– Вот иду я – скрипка лежит, – мама протянула мне скрипку – смотри – небитая. Надо узнать, можно ли на ней играть? И будем продолжать музыкальную школу, не смотря ни на что. К учителю ходим, спросим, как её настраивать. И пусть она мне попробует сказать свое «фу». Я сделала уступку – больше не уступлю. Ответработник может идти на компромисс, но не на попятную.

И конечно, мне пришлось заканчивать музыкальную школу по классу скрипки. Играла я так тихо, так подавленно, как давится горячим борщом голодный человек, которому нет уже времени ждать, когда борщ остынет.

Зато эту скрипку было не жалко. Я всегда думала: если дойдет до крайности и сосед как-нибудь ущучит меня одну в лифте, мне не жалко будет разбить о его голову мою скрипку. Но Бог миловал его голову и мою скрипку. Обошлось без соседского кровопролития. Значит, я была достаточно ловка и приметлива, что делает мне честь. Не попалась ему ни в парадном, ни в лифте. Но, как вы понимаете, это был только первый раунд наших с ним взаимоотношений, детские шалости.

Когдаходишь в нашу комнату, сначала проходишь соседскую – Бе-е-е! это Генке! – навстречу в опережающую большое окно, в котором на хорошем фокусном расстоянии стоит сталинский извод кремлевской башни – здание МИДа. Это всегда первое впечатление от нашей комнаты. А второе – мамин светлый с зеркалом шкаф слева. А на нем – походный чемодан папы и горн. А может, труба? Точного названия этой штуки я не знала, а употребления и тем более, пока из Сибири, спустя несколько лет, к нам не приехал товарищ юности отца. Рожок была его фамилия. Они сначала разговаривали между собой о таких вещах, каких про папу я не знала. Не думала даже и не гадала, как говорит бабушка. Оказывается, папа-то мой – когда-то взаправду был маленьким. А я думала, что он подыгрывает мне, так говоря. А вот этот самый Рожок помнил, что папа был маленький, и они вспоминали про всё сразу, бурно, то задерживаясь надолго на одной теме, то пробегая её скороговоркой. Но всё-таки, как я поняла позже, они останавливались на двух болезненных темах: выезд папиного старшего брата в Царское Село в школу прапорщиков и первый брак папы.

Глава 6

Поход-опрощивание

Мы вылезли на далекой железнодорожной станции. Сначала пейзаж напомнил дачу – солнечно, зелено, деревья и кусты, а потом стало ясно, что дача – лишь малая точка, а здесь – море, которое длится и длится и не кончается, а связующее звено – дорога. А потом я увидела бабушек, их наряды и лица.

– Скажите, не стыдно ли городу восхищаться деревней и идти к ней на обучение? – подошла я с мучившим меня вопросом к физику.

– Нет, это большое и важное дело для молодого человека – встретиться с деревней, это только обогатит горожанина.

– А в чем смысл их жизни? Откуда это ощущение бездонности их лиц? – не отставала я от физика.

– Хорошие вопросы задаешь. Из тебя, возможно, если будешь прилежна, в будущем что-то и получится. Видишь ли, деревенские жители жизненные цели не выносят за сам процесс жизни, как городские, это патриархальная жизнь.

– Как это?

– Ну вот представь: всё в жизни – и сама жизнь и её цель – вместе. Так в деревне. А вот в городе: ты, твое обучение, работа мамы, а большие цели вынесены за пределы жизни. Отсюда многие беды городских людей и молодых – в особенности.

– Почему?

– Ну про комплексы – слышала?

– Всё равно не понимаю.

– Ну как бы тебе понятнее объяснить? Вот Пушкин написал: «Я памятник себе воздвиг...» – читала? Что он хочет? Чтобы после смерти его не забыли.

– А что, нельзя? Это же ведь Пушкин, мы хотим его помнить.

– Да можно, конечно, но это как раз и есть цель, сознательно вынесенная за пределы жизни. Это интеллектуальный изыск города. А ведь после смерти ничего нет и алкать себе чего-то после смерти не стоит. Надо уместить все свои цели в самой жизни. Я не осуждаю – грех

это или нет – выносить цель за пределы жизни, но это разные типы жизни, патриархальный и городской. И поэтому разные типы лиц. Ты меня попросила – я объяснил – и всё. Будешь ходить с нами в походы – еще что-нибудь объясню.

– Спасибо, – я выслушала его с восторгом.

– Не за что, это мой долг туриста – облегчать жизнь городскому человеку.

– А давно вы в походы ходите?

– Да вот уже лет двадцать. Имел честь быть с первыми, с физиками, они и трусцой первые побежали, еще в походах. Городские люди далеки от земли, от природы, от Бога, наконец. А как хорошо, когда твою жизнь одушевляет Бог, природа, люди, живущие естественно, то есть крестьяне – жнецы, пахари, люди физического труда.

– Да ладно вам, Владислав Степаныч, Клюева, что ли начитались? – пробегая мимо, оборвала задушевную беседу второй инструктор похода, старшая пионервожатая Танечка. – В избяной рай зовете советскую школьницу?

– Не зову, а объясняю крестьянский космос. Его все люди должны знать. И городские школьники, и даже вожатые.

– Я читала, не сомневайтесь, – сухо возразила Танечка, – но всё это архаика и этнографизм, не более того. Архаика тянет назад, тогда как литература, особенно литература для молодых, должна звать вперед.

– А как же быть со знаменитой фразой поэта «Ангел простых человеческих отношений»?

– Ну знаете, Владислав Степаныч, куда мы с вами уйдем от построения нового общества и воспитания нового человека? Петров! – крикнула она, – заворачивай сразу за деревней направо! – и поспешила вперед – народ там что-то замешкался, не зная, куда идти, и сбился в кучу.

– А как же быть с противостоянием природы и цивилизации, Татьяна Сергеевна? – вдогонку крикнул инструктор, но старшая пионервожатая его уже не слышала.

– А откуда вы знаете поэта Клюева? – физрук зацепил меня своими филологическими изысками.

– А я, видишь ли, технарь и в походах интересовался космосом в астрономическом смысле слова, а потом увлекся тем, как поэты свой поэтический космос представляют. Стал заходить в букинистический, мне посоветовали кое-что почитать. Особенно меня поразили Хлебников и Клюев.

Потом мы долго-долго шли, и я вспоминала бабушку. Была она в моей памяти в единственном числе, а теперь с бабушками четырех-пяти деревень стала во множественном. И песня её вспоминалась – «По Муромской дорожке стояли три сосны, прощался со мной милый до будущей весны...». Сейчас-то я с бабушкой на даче мало контактирую, к подружкам больше бегаю. Кащеева книгу «Война и мир» притащила, где написано о любви Наташи и Бориса в библиотеке, и мы сидим рядком на лавочке перед её дачей и трепетно ждем своей очереди прочитать следующие сцены.

– Эх, что люди-то скажут! – не ругая меня и не требуя, чтобы я оставалась с ней, отвечает бабушка на все мои проступки и дерзости. И меня это не волновало на даче, а теперь стало стыдно перед ней.

Мы проходили мимо палисадников с полуденными георгинами, возносящимися над изгородью. Над крышами – дымки из труб, одинокий дом стоит на отшибе, разнотравье и покосы с копенками. Еще корова на привязи! Такая большая, надо же! Гуртом овцы с пастухом в помятой шляпе и высокой палкой вместо хлыста. А березы у домов – не те, что в лесу, а с какими-то нежнейшими веточками, что полощутся у входа на легком ветерке, будто сны навевают. И много-много голубого неба и больших-больших белых облаков. Их столько, что клади во все рюкзаки двух объединенных классов – А и Б – и всё равно не унесешь.

Мужики в деревне улыбочивые, покладистые, небритые, плохо и неряшливо одетые, в грязных сапогах, частушки режут:

«Нас правление колхоза довело до ручки.
Раньше пили каждый день, а теперь с получки»

«Неужели и это надо впитывать и изучать?» – подумала я, но к физруку уже не пошла.

Потом на поляне было ориентирование на местности – здесь у меня дело было швах. А стрельба из пистолета и вообще не пошла, а ведь мы шли по местам боевой славы, в рамках «Зарницы». Я стала смеяться и плакать одновременно, что-то нервическое напало на меня от хлопков. И больше в походы с Владиславом я не ходила, а обещан был байдарочный.

– Да мало ли что в палатке может с девочкой случиться? Разные ведь мальчишки бывают. Один еще маменькин сынок, ему только про Буратино читать и лобзиком выпиливать. А другой уже как петушок, уже ретиво топчется... – обосновала свой отказ мама и углубилась в командировочный отчет, который надо было сдавать срочно, ну просто завтра.

– Да они хорошие у нас.

– Что-то у тебя было разное о них мнение, а как в поход – все хороши стали? Сказала – нет, значит – нет, рано ещё на месяц уходить.

Жаль. Но я промолчала. И не потому, что мне нечего было возразить – с мамой я боевая, могу за себя постоять. Но она обещала поездку на Кавказ, и если сильно рассориться из-за байдарочного похода – может и не взять.

Глава 7

Отпуск с мамой

В середине лета в отпуск обычно приезжала мама из Крыма, и мы ехали с ней отдыхать на Черное море, на Кавказ, для разнообразия. С крымской-то стороны у нее работа. Для поправки моего здоровья. И компания подобралась знатная. Моя одноклассница по яслям и мамина знакомая по родительскому комитету Мингео. Как и все советские работающие интеллигентные женщины, выкроившие некоторое время для отдыха, в вагоне они начали споры о смысле женской жизни. Почти как мужчины заспорили.

Элеонора Игнатьевна – женщина крупная, со слащавым лицом, боевая, оптимистичная – смачно выговаривала моей маме:

– Я не понимаю, Тамара Ивановна, вашего брака. Он у вас какой-то постный. Нельзя же только работать. У вас дочь, муж, но нельзя же личную жизнь забывать. А это что же? Сплошные командировки? Понукаете работяг. Что это за жизнь? Вот я – еду, остановимся у хозяина шашлычной. «Дорогой Вахтанг», что называется. И он мне ни за чем, он мне не уровень, я женщина разведенная, учрежденческая, я себе всегда мужчину найду в своем министерстве. Вахтанг мне для тонуса на купальный сезон. Ну в крайнем случае аборт сделаю. Мы же не монашки какие-нибудь.

Мама, державшаяся с ней всегда в рамках родительского политета Мингео, не ожидала от неё такого выпада в поездке, поэтому смущенно зарделась и сказала суховато, что в её шкале эмоций обозначало крайнюю степень откровенности:

– Я понимаю, что вас беспокоит. Мой муж часто со своими сослуживцами из Мингео об этом разговаривает. И мне внушает, что я-де должна оставить работу ради него. Но государство всем нам, даже детям кухарок, дает возможность выйти в люди (тут она несколько процитировала своего декана). Я четыре года войны училась в институте для того, чтобы иметь социальный статус, чтобы иметь большую ответственность за большое дело, наконец, чувствовать себя большим человеком, делающим большое дело. Меня этому учили, и я не могу пре-

вернуться в домработницу ни для кого: ни для мужа, ни для дочери. Я должна быть большим человеком, раз государство меня к этому готовило. Ну а насчет эмоций, да, конечно, как и всем женщинам, мне это нужно. И они в нашей жизни случаются. Не так, чтобы очень часто, но всё же. Это когда мы сдаем объект, выстроенный нами, будущему хозяину, Минздраву. Санаторий или больницу. У нас при подписании бумаг обязательно банкет и даже с танцами. Я даже уроки танцев брала, чтобы соответствовать своему статусу безупречного руководителя и безупречной партнерши по танцам. Учрежденческой моралью это допускается. Более того – приветствуется. Вот всё, что я могу сказать о себе и о своем «постном», как вы выразились, браке. И перейдем лучше к другой теме – теме наших дочерей.

Мне кажется, что это было единственное скучное место в нашем сногшибательном августе с Галей. Потерпев их перепалки, мы остановились в Новом Афоне, у хозяина шашлычной в гостевых комнатах, как и говорила Галина мама.

Как водится у приезжающих, сразу бросили вещи и побежали на пляж, предвкушая восхитительнейшее занятие для девочек нашего возраста, впервые и только здесь пришедшее к нам в голову – во всем, во всем вести себя как взрослые. То есть ходить на пляж, лоя и отвечая на взгляды парней-грузин, купаться, как бы наигрывая свое взрослое поведение с учетом их взглядов, а потом, нежась на песке и болтая, непрестанно включать их в свой разговор. Это были сыновья хозяина шашлычной или племянники его – мы не интересовались. Мы не умели еще разговаривать по-взрослому, только умели включать их в свою орбиту, и всё это называлось «Ля муром». Мы видели, как они утром рубят дрова для шашлычниц и мангалов хозяина. Он их то приободрял, то ругал на своем языке, а потом они тоже были весь день на пляже и в нашей власти. Учили нас, как сказать на трех языках «я тебя люблю» – по-грузински, по-армянски и по-абхазски. И мы чувствовали себя счастливыми, почти имеющими эту самую любовь, о которой мы ещё ничего не знали. Чувствовали себя счастливыми вдвойне, как будто они для нас уже партнеры-любовники. Так мы себе намечтали, так восхитительно это всё звучало. Их загорелые тела, медальные профили, раннее созревание (наши-то в это время еще школьники) – всё нас волновало. И уже мечтались, как совершенно близкие, какие-то серьезные чувства. Хотя откуда было взяться чувствам, когда нам через десять дней уезжать, а здесь будет новый заезд с новыми алкающими предлюбовных чувств девушками, подогретыми южным солнцем? Единственное, что оставалось, чтобы хотя бы мысленно не проваливать эту цепочку – это взять адрес.

В поезде мы болтали и хохотали всю дорогу, стихийно карикатурия проходящих мимо мужчин. До самой Москвы хохотали, до коллик в животе и клятв, что теперь каждое лето – на юг и только вместе.

Глава 8

Единственная любовь

К восьмому классу верной подруги мало. Нужен молодой человек. Срочно нужны чувства к противоположному полу. Срочно нужны ответные чувства противоположного пола. И у многих, возможно, это было. А у меня – ничего особенного. Ну подумаешь – уборка в классе. Там привычное дело тряпками друг друга охаживать, скрывая свое возмущение от отсутствия каких-либо чувств. Отсюда грубость и вранье: это ты меня первый стукнул, а я только тебе сдачи дала. А потом всё-таки случилась любовь. Мальчики класса признали меня своей лидершей и в конце уборки, усадив на учительский стул, триумфально пронесли через весь коридор, весь вестибюль, спустили, не уронив, по лестнице, и поставили завхозу под нос.

Ах, как я торжествовала. Ах, как я хотела бы продлить это восторженное превосходство над всеми девчонками нашего класса и даже школы. Да и мальчишки не ожидали, что есть

такой жанр – рукоплескать своим, еще не созревшим чувствам, предвосхищая таким вот образом в своих душах рождение кумира.

А мне понравилось, что я не потеряла в этой ситуации самообладания, а рачительно подумала: простые татары уходят из школы в ПТУ, на стройки, не важно. Остаются только обеспеченные, интеллигентные дети из серьезных семей. Значит уже осенью можно из всех стихийных теперешних поклонников выбрать себе достойного. Так я подумала и перешла к подготовке своего чемоданчика к поездке с мамой на море. Ну там сразу, как только приехали – все чаяния молодой девушки были выполнены сполна. Вышли на пляж – там был восхитительный грузинский мальчик Арно, который умел заразительно смеяться и спокойно относился к вечным замечаниям мамашек – мол, не смущай москвичек, они еще не в том возрасте. У меня оказались безбарьерные отношения – купаться, плескаться, бегать друг за другом, обещать прийти на следующий день сюда же. Поэтому, когда он в конце сказал, что мы дружили, но я тебя все-таки люблю – не забывай об этом, у меня закружилась от счастья голова. Последним аккордом было то, что мы сговорились с ним на следующий год в то же время и в тех числах приехать сюда и так же дурачиться. И я хранила эти чувства целый год, и ужасно расстроилась, когда маме на следующий год почему-то не дали путевку на море. Я не соглашалась, строптивилась, говорила – у вас есть другие путевки, пусть другие едут в Тбилиси, а мы с тобой поедем на море, на море! И вдруг приходит от него письмо: так и так, я заболел, врач сказал быть дома, извини, на море не приеду.

Тогда я побежала к матери:

– Где та путевка, которую тебе давали в Тбилиси?

– Я уже её отдала. Ты же сама просила.

– Просила-просила, а теперь перепрашиваю. Чтобы была путевка в Тбилиси и побыстрее. Не затягивай.

Мать, как опытный руководитель сказала:

– Ну ладно.

Но только она знала, что стоит за этим «ну ладно». Она всем говорила – и начальству, и в семье, и самому дорогому человеку – дочке, всегда говорила одно и то же, если не пролезало – «ну ладно». А уж достигала она этого большой кровью и терпением.

Мы поехали в Тбилиси. И я, как дурочка, побежала по адресу и спрашиваю у ворот какую-то Котэ Махарадзе, впервые себя настраивая на сострадание:

– Где тут Арно живет?

Вхожу в указанный двор, а там мой Арно, ну просто – мой Арно, искрящийся своим здоровьем, дурачится с другими москвичками в тех же самых словах, что и со мной.

Не знаю, как я на него смотрела. Ты что же делаешь, паршивец, с моей первой любовью? А где же твои обещанные слова? И что это всё значит? Распутство?

Он не выдержал мой взгляд. Побежал, как наивный барашек, с какой-то просьбой к Котэ Махарадзе в дом, а она ему: «Что же, сын, к тебе гости, а ты и на стол ничего не поставил?»

Я обиженно развернулась и ушла со дора, не зная еще, что в этом возрасте человек многих партнеров награждает орденом первой любви. И пока он её, первую любовь, не выберет, он так и будет колебаться – какая же у него все-таки любовь первой была?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.